

18+

ГЕННАДИЙ СИНИЦКИЙ

Ворох историй

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Теннадий Синицкий

Ворох историй

Сборник рассказов

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Геннадий Синицкий, 2022

«Ворох историй» — сборник житейских рассказов различной тематической направленности, в своём большинстве, основанных на реальных исторических фактах.

18+

ISBN 978-5-0055-9836-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

[Ворох историй](#)
[Зёрна зла](#)
[Афганистан. Начало](#)
[Хромосома воспитания](#)
[Невыдуманные истории из жизни поисковых отрядов](#)
[Помяни мя](#)
[Бабушкино детство](#)
[Лёня бедненький](#)
[Шестая степень невезения](#)
[По дороге в Новый год](#)
[Чаворо](#)
[Нарочно не придумаешь](#)
[Коллаборант](#)
[Бесы пляшут только в пост](#)
[Круговорот желаний](#)
[Метаморфозы времени](#)
[Концы в воду.](#)
[Памятник](#)
[Мать солдата](#)
[Рассказ попутчицы](#)
[Реальная история](#)
[Дело об ограблении церкви в селе Иваново](#)
[Приснопамятное](#)
[Убийство в Невельском соборе](#)
[Прозревший](#)
[Псковский след в Латгалии](#)

Зёрна зла

Эта история началась осенью 1942 года, к тому времени западные районы Калининской области ещё находились под оккупацией вермахта. В одном из них, среди глухих лесов, затерялась деревня Дербиха, в которой проживала семья Масловых. У Захара и Марии было девять детей. Старшие, Макар и Борис, ещё до войны были призваны в ряды Красной Армии, третий сын — Максим, за неделю до описанных мной событий ушёл в лес к партизанам. С родителями оставались Семён, которому на днях исполнилось восемнадцать лет и пятеро младших — один меньше другого.

Когда в деревню пришли немцы, перед жителями встал выбор, кого назначить старостой. Если желающих не находилось, как правило, присылали чужого, не местного, что только ухудшило бы и без того незавидное положение крестьян. Поэтому на сельском сходе выбрали Захара, который вроде как и должен был прийти по вкусу новой власти.

До революции Захар Матвеевич был в числе зажиточных селян из рода панцирных бояр. Имел домашний скот, пашню и большой плодовый сад. Во время становления советской власти в колхоз не вступал, даже вырубил все яблони в своём саду, чтобы не платить налоги Советам, пустил под нож весь домашний скот, оставил только коня и берёг его, как зеницу ока. От выселения в отдалённые земли и раскулачивания Захара спасло только вступление супруги Марии в колхоз. Ну, а так как Захар Матвеевич был обучен грамоте, ему пришлось работать в коммуне писарем. Такие вот времена были непонятные. Злые языки шептались, мол, став старостой, Маслов вернёт всё своё потерянное с лихвой да будет служить немцам, как верный пёс. Однако лишь единицы знали, что Захар имел прямую связь

с партизанами «Чкаловского» отряда, передавал информацию, снабжал продовольствием, фуражом, одеждой. Поэтому командир партизан Сергей Дмитриевич Пенкин не испытывал особой радости, когда в его отряд пришёл сын Захара Максим. Своим поступком юноша поставил под угрозу существование налаженного канала связи. Ведь за такое старосту по голове не погладят.

Опасения Пенкина оказались не напрасны, полицай Игнат Гордеев написал донос на старосту, намекая на его связь с партизанами — мол, Захар плохой хозяин, раз сына не удержал, а может даже и сам его отпустил.

Фашисты очень серьёзно относились к любого рода доносам, даже анонимки проверяли тщательно и по несколько раз. Население держали в строгом повиновении и сурово карали даже за малейшую провинность.

Маслова доставили в комендатуру, где жестоко избивали трое суток. Его оставили в живых, но поставили перед ним обязательное условие: Захар должен был прилюдно осудить поступок старшего сына, а младшего — Семёна, отдать на службу в полицию, в противном случае вся семья подлежала расстрелу.

Уходить в лес с малыми и грудными детьми не представлялось возможным. Кроме того, за такой поступок немцы могли не только сжечь всю деревню, но и покарать родню в соседних сёлах. Поэтому очень скоро в районе появились оккупационные листовки с призывом старосты Маслова не оказывать помощь партизанам, а Семён, надев ненавистную форму полицая, был направлен в охрану железнодорожного моста на дороге «Невель — Полоцк». Конечно, после этого по округе начали ходить разные слухи. Захар Матвеевич всё чаще ловил презрительные взгляды односельчан, но на этом беды Масловых не закончились. Спустя месяц, в ходе карательной операции «Клетка обезьян», у деревни Червоеды, полицаями был схвачен Максим. Его не расстреляли только потому, что немцы задумали сделать показательную казнь в Дербихе.

Лупцованного деревянными палками юношу, в изодранном, пропитанном кровью исподнем белье, босого и еле стоящего на ногах, пригнали к отчому дому. Гордеев советовал повесить Максима у хаты старосты, но командир айнзацгруппы оберлейтенант Шторк распорядился сделать виселицу у сельской конторы, в центральной части деревни возле пожарного рельса. На казнь приказано было явиться всем жителям деревни.

Максима заперли в хлеву ближайшей к конторе хаты, выставили охрану. Позже к нему посадили младшего брата Семёна (опасались, что сбежит), ему отводилась роль палача, который выбьет табурет из-под ног партизана. Идея Гордеева назначить брата исполнителем приговора понравилась немецкому офицеру. Шторк предвкушал резонанс этой устрашающей новости, которая заставит многих людей в районе отказаться от идеи помогать партизанам.

Всю ночь младший брат сокрушался о выпавшей на его долю участи. Братоубийство — один из самых страшных смертных грехов. Семён проклинал лютого изувера Игната. Причина их неприязни была всем известна и жила через три дома от Масловых. Это — Шурка Устинова, которая дала «от ворот поворот» назойливым ухаживаниям этого тридцатилетнего дылды и выбрала молодого, красивого ровесника.

Максим понимал, что Сёмку после казни проклянут в округе, а если откажется, всех Масловых повесят там же. В любом случае у Гордеева теперь уже не будет преграды к Шурке.

Решив как-то отвлечь младшего от горьких мыслей, старший рассказал о своей любимой — Яне Стоцкой, что жила в Червоедах, и просил Семёна позаботиться о беременной зазнобе. Уверял брата в мудрости односельчан, которые всё поймут и не станут осуждать. Просил передать поклон родителям и просьбу простить его за то, что накликать беду на семью.

Утром крепко подморозило и дорожная гвазда покрылась ледяной коркой. Максима вели четверо полицаев, тянули за веревку с петлёй на шее, а Гордеев одергивал её с силой каждый раз, когда Маслов спотыкался о застывшие комья грязи

на дороге. Поодаль за ними шёл понурый Семён, вид у него был мрачнее тучи.

У сельской конторы уже робко поёживались жители Дербихи, старались держаться семьями, близко к виселице не подходили. Когда партизана подвели к шибенице, Игнат перекинул конец линька через перекладину и с силой потянув за него, заставив Максима встать на табурет. Мария громко запричитала, прижимая к себе детей. Захар с горечью смотрел на эту страшную картину и до хруста сжимал кулаки, стараясь встретиться взглядом с сыном. Взвод немцев стоял у конторы полукольцом, держа оружие на боевой изготовке. Шторк взмахом руки позвал к себе Семёна, что-то сказал ему, а затем указал пальцем на табурет. Спрятав руки за спиной, немецкий офицер сделал полуоборот в сторону старосты, но Захар смотрел только в сторону сына. Их глаза встретились за секунды до рокового момента.

Когда табурет упал, и тело партизана забилось в смертельных конвульсиях, Гордеев подбежал к Шторку и что-то ему сказал. Немец не спеша подошёл к Семёну, размахнулся и... похлопал его по щеке. Затем обнял за плечи и приказал солдату с фотоаппаратом сделать снимок.

Зёрна зла были брошены в землю.

В ответ на показательную расправу партизаны провели многочисленные акции возмездия против гитлеровцев: взрывали мосты, пускали эшелоны под откос, нападали на немецкие гарнизоны. Командование вермахта стянуло в район моторизованные соединения, артиллерию, танки, прибыла охранная дивизия «Рихтер». В ходе карательных операций «Зимний лес», «Зимнее волшебство», «Шаровая молния» в районе были сожжены и разграблены сотни населённых пунктов, тысячи людей были убиты, угнаны в лагерь смерти «Саласпилс».

Жители Дербихи разделили печальную участь Хатыни, лишь единицы успели спастись. Осталась жива и Александра Устинова, её спас Семён, который за пару часов до страшного

события прибежал в деревню предупредить сельчан. Ему не поверили.

Захар и Мария Масловы не смогли вырваться с детьми из плотного кольца карателей группы Шевелеры, окруживших деревню, семью вернули и сожгли в родном доме. Весной 1943 при атаке партизан на железнодорожный мост, в деревне Железница, Семёна убили. Не вернулись с войны и Макар с Борисом. Но роду Масловых суждено было продолжиться. Яна Стоцкая родила сына и назвала его в честь погибшего отца Максимом. За связь с пособниками фашистских оккупантов Шура Устинова была осуждена и отправлена в ссылку, из которой вернулась только в 1953 году с десятилетним мальчуганом по имени Семён.

Много воды утекло с тех пор. Мальчишки выросли и обзавелись семьями, но лютая ненависть Максима к Семёну с течением времени переросла в настоящую вражду поколений между родственниками и не давала даже малейшего шанса на примирение. На рубеже столетий в сёлах люди начали собирать деньги на восстановление храма. Михайловская церковь была закрыта ещё с тридцатых годов прошлого века. После войны её почти всю разобрали по кирпичику. Строили новые дома в деревнях, а в них из этого кирпича ставили печи. Получается, брали у Бога займы, а теперь решили вернуть долг сторицей.

Храм восстановили за три года. На его освящение приехал епископ, а с ним и новый настоятель прихода — отец Даниил.

На первую службу народ собрался со всей округи. Священник читал проповедь «О пшенице и плевелах» от Матфея. Подробно объяснял всё прихожанам, а в самом конце коснулся трагедии семьи Масловых и сказал, что его долг — смыть с Семёна клеймо братоубийцы. Во время той казни младший брат не выбивал табурет из-под ног Максима. Старший соскользнул сам, специально. Это очень хорошо видел Гордеев, поэтому он сразу поспешил доложить об этом немецкому офицеру. Шторк хотел избить Семёна и тут же повесить рядом с братом, но тогда бы его дьявольский план рухнул. А так, через оккупационные

листовки, народ устрашили, что виновных в связях с партизанами будут казнить их же родственники.

Когда у священника спросили, откуда он знает об этом, Даниил ответил, что родился недалеко от Воркуты, в глухом посёлке, где после отбытия каторги поселился его отец Игнат Гордеев, грехи которого ему придётся всю жизнь замаливать перед людьми и Богом.

15.01.2020г.

Афганистан. Начало

*Из воспоминаний полковника в отставке
Петра Ивановича Черткова*

В декабре 1979 года я находился в отпуске на Невельщине. 16 числа мной была получена телеграмма от командования части, где мне предписывалось срочно явиться в расположение своего полка. Прервав отпуск, мы с супругой Татьяной и ребёнком отправились в Термез — самый южный город Узбекистана, ведь именно там располагалась 108-я дважды Краснознамённая «Невельская» мотострелковая дивизия. Впоследствии, именно она была первым воинским соединением Советского Союза, которое входило в Афганистан в начале войны. Конечно, кто-то поспорит и скажет про группу «Альфа» или вспомнит «мусульманский батальон», который был заброшен в Афган ещё в апреле 1979 года, но у них были совершенно иные задачи, о которых более существенно смогут рассказать историки спецслужб.

Мы догадывались о причинах столь срочного вызова. На нашей приграничной территории обстановка была беспокойной уже несколько месяцев, если быть точным, то с июля 1979 года, когда в части стали поступать разношёрстные призывники середины лета. Они проходили ускоренный курс молодого бойца и принимали присягу уже в конце августа. В дивизию прибывало вооружение, личный состав, техника. Хайратон принимал самолёты с авиабомбами. Шло накопление арсенала. Всё это было неспроста. Да и поезд, на котором мы ехали, после остановки в Волгограде, стал постоянно задерживаться на промежуточных станциях, пропуская на юг воинские эшелоны.

Термез был напрочь забит военными. Личный состав ходил по улицам с боевым оружием — неслыханное дело по тем временам. Нам всё стало ясно — будет война. Забегая вперёд, скажу, что официальная версия ввода советских войск в Афганистан, которую доводили до личного состава работники политотделов, звучала приблизительно так: «С запада Иран, а с юга и востока Пакистан вводят в Афганскую республику свои войска, чтобы задушить политику дружественной СССР Народно-демократической партии Афганистана, пришедшей к власти в результате Саурской революции в апреле 1978 года». О том, что в Афгане идёт гражданская война, мы узнали много позже. По сути, это была война этнических кланов, которые не могли договориться между собой и постоянно враждовали друг с другом. Кто-то из них принимал нас радушно и даже дружил, а кто-то оказался непримиримым врагом шурави.

Ворота части были распахнуты настежь. На плацу летали бумажки. Вокруг ни единой души. И эта гнетущая тишина рождала в груди тревожное беспокойство за наше непонятное будущее.

В здании КПП слышался храп спящего человека. Это был начфин Уктам Ака, узбек по национальности, его предупредили, что я приеду. Он и сообщим нам, что весь личный состав дивизии выдвинулся на полигон в Учкызыл, располагавшийся в семнадцати километрах от Термеза.

Меня же терзала мысль — куда определить семью. Отправились в гостиницу, но там ответили, что у них генералы в коридорах квартируют, всё забито до отказа. Делать нечего, пришлось вернуться в часть. Комнаты, а тем более квартиры у меня тогда не было, я жил в каптёрке расположения роты, поэтому говорю своей Татьяне: «Давайте вещи в руки и на поезд, поедете назад, война начинается». В этот момент к КПП подъехал ЗИЛ, на котором приехал старшина моей роты, за продуктами для батальона. Он с семьёй снимал небольшую

комнату в городе и предложил моим определить туда же. У него жена и двое детей ютились на десяти квадратных метрах, а теперь к ним добавилось ещё двое. Через несколько месяцев командование выделит нам трёхкомнатную квартиру на две семьи (делите, как хотите, называется), а пока пришлось довольствоваться этим, и я со спокойным сердцем отправился в полк.

К моему прибытию состав роты был уже укомплектован на 100%, но самое смешное было в том, что это были «партизаны» — резервисты, пребывавшие в запасе, и учётные воинские специальности у них были: контролёр, контролёр КПП и т. п. То есть, это были военнослужащие внутренних войск, которые охраняли тюремные зоны и которые вообще не имели представления о пехоте. Главное их преимущество было в том, что они были мусульманами (узбеки, таджики, киргизы) и понимали язык населения сопредельного государства.

Время «Ч» было назначено на 15 часов 25 декабря 1979 года. Кстати, в армии не говорят ноль-ноль, поэтому, когда я смотрю фильмы или читаю книги и нахожу такое выражение, то с огромной иронией понимаю, что автор дилетант и ничего не знает о службе в армии.

Накануне всем военнослужащим выплатили денежное довольствие за два месяца вперёд. Такие приличные деньги мне были ни к чему, а семье надо было на что-то жить, и я решил отвезти их в Термез супруге. Когда сослуживцы узнали, что я еду в город, то решили передать со мной деньги своим родным. Но денег оказалось настолько много, что их попросту невозможно было распихать по карманам. Пришлось взять каску и складывать наличность в неё ворохом. Сюда же кидали записки с суммами и адресами родных. Мне дали водителя на санитарной машине, и под вечер мы уже были в Термезе, но оказалось, что мой водитель родом из какого-то местного кишлака и совершенно не знает города, да и я изучить его ещё не успел, так как был переведён сюда несколько месяцев назад из Западной группы войск в Германии. Когда мы с горем пополам отыскивали пару адресов, я понял, что мне понадобится

недели две, чтобы развести деньги по семьям сослуживцев. В час ночи мы нашли дом, где проживала моя Татьяна с дочкой. Естественно в это время все уже спали. Пришлось лезть через забор и стучаться в дверь пока не разбудишь. Я передал женщинам деньги с записками и адресами, и сказал: «Девчонки, поступайте, как хотите. Хотите, ищите всех, а хотите оставьте деньги себе — война всё спишет». До утра мы сидели на крыльце, разговаривали. Собственно вот так и попрощались.

В нескольких километрах от Термеза стоял наполовину построенный мост через Амударью. В его продолжение были сооружены понтоны, по которым мы и входили в Афганистан. Первые потери наших солдат были здесь, на этой переправе. В авангарде колонны шла боевая разведывательно-дозорная машина (БРДМ), под ней сорвало один из понтонов, и вместе с экипажем машина ушла на дно реки, причём довольно быстро. Чтобы избежать подобные потери личного состава, командованием были вызваны речные буксиры, которые упёрлись своими носами в мост и держали составные части понтонов, пока по ним шли наши войска. За буксирами ещё такие огромные буруны были — впечатляло. Рота, которой я командовал, была в передовом отряде 180-го полка, и переправилась на афганский берег только в 18 часов. Кстати, совсем забыл сказать, в нашем округе не было понтонов, и первоначально, войска собирались переправлять на баржах, но когда посчитали, что дивизия переправится на тот берег только через неделю (что лишало смысл операции), то вызвали понтонно-мостовой полк откуда-то из Сибирского военного округа (или из другого — не помню). В общем, по первоначальному плану, мы должны были входить в Афганистан ещё до 20-го декабря, но так как у нас не было понтонов, командованию пришлось менять сроки ввода.

Неразбериха в начале войны всегда присутствует. Перед входом, боеприпасы были уложены в магазины, но магазины находились в ящиках, а те лежали на БМП. Боеприпасы раздавать бойцам? Немая сцена. Через полчаса приходит ответ: да, боеприпасы раздать. Хорошо, раздали. Рота маленькая,

но в роте 36 пистолетов: офицеры, прапорщики, механики-водители, пулемётчики — все должны быть с пистолетами. Пистолеты раздавать? Опять немая сцена, и опять через полчаса приходит команда — раздать. Теперь гранаты. Что делать с гранатами? Никто не знает. Опять запрашиваем командование. И опять через полчаса приходит команда — раздать. И так далее по всем пунктам, то есть чувствовалось — собрались воевать.

Оскенбек Букаев, Пётр Чертков, Александр Балобежин. Афганистан, 1980г.

А самое смешное, что буквально за полчаса до входа на мост, приходит указание: срочно сдать списки военнослужащих в трёх экземплярах: Ф.И.О., год рождения, кто — откуда и т.д., с указанием номера военного билета и указанием номера боевого оружия. Как? Вот как это можно успеть сделать за 30 минут? Я думал, дня два будем писать, ведь писаря в роте

нет, печатной машинки тоже нет. Ну, ладно, разорвали тетрадь в 96 листов, раздали по отделениям, где каждый боец своим почерком написал требуемые данные. Собрали воедино. Отнёс командиру батальона. Сдал. В итоге, как оказалось, эти списки вообще никому нужны не были, делалось так, для галочки. Мы должны были их сдать пограничникам, чтобы у них были данные — сколько вошло, с каким видом оружия и т. д. Но, оказалось, что пограничникам эти списки — ни к селу, ни к городу. Когда мы подошли к границе, около пограничного столба, перед контрольно-следовой полосой, которую мы попросту раздавили, на табуретке сидел пограничник в звании капитана. То ли он был с перепоя, то ли жара на него так подействовала — я так и не понял, но он дремал. Я потрепал его за плечо и спросил: «Куда списки?», он очнулся, взял бумаги, повертел их в руках и бросил под свою табуретку.

Входили на афганский берег — начинало темнеть. Не прошли и километра, как первое, что мы увидели это движущуюся нам на встречу странную машину. Передок у неё был от ЗИЛа, а кузов из дерева. Причём кузов раза в два был выше кабины. Он был весь расписан яркими красками. На нём висели картины с разными птицами, цепочки, зеркальца, фонарики, кисточки и всё это так гремело, что мои бойцы прозвали данное чудо техники — бурубухайка. Так это название впоследствии и прижилось. Таких машин было очень много, а самое интересное, что те, кто был в Афганистане, могли встречать и такую картину: салон пассажирского автобуса полностью набит стадом овец, а весь народ висит на окнах и сидит на крыше.

Ну, так вот, когда мы встретили свою первую бурубухайку, командир машины Шура Балобежин говорит мне: «Командир, цирк едет». Отвечаю: «Понятно, страна интересная». Спустя некоторое время встречаем ещё одну бурубухайку. Теперь уже я говорю Шуре: «Ещё один цирк?» Он отвечает: «Наверное, отстала от первой». Но, когда мы встретили третью и четвёртую похожие машины, то поняли, что они здесь все бурубухайки.

Всю ночь мы шли маршем до Пули-Хумри, где встали на дневной и ночной отдых. Впереди был перевал Саланг. Мою роту поставили в боевое охранение, и нам пришлось окапываться. Тут произошла интересная история. Часть колонны попала на хлопковое поле, а часть — на сухой ручей и горы. БМП в котором я находился, пришлось окапывать в каменисто-песчаном грунте. Нам надо было сделать укрытие для машины, построить командно-наблюдательный пункт роты и вырыть отход сообщение. Когда мы втроём (я, командир машины и механик водитель) всё это сделали, то свалились как подкошенные. И вот, лежим на бугре, руки все в мозолях, а Шура и говорит:

— Командир, я заканчивал учебку, а там такой сержант был... Думал, приду из Армии, поймаю его и буду целый день бить ему морду... А теперь думаю, приду, куплю ящик коньяка и пока он его весь не выпьет — я от него не отойду, за то, что так научил меня копать окопы.

Следующую ночь мы шли через Саланг. Лишь утром вышли из туннеля и тут я глянул вниз — мамочка родная! Внизу лежало множество таких маленьких машинок, словно муравьи. Стало не на шутку страшно — не приведи господь сорваться (впоследствии мне пришлось проходить через перевал девять раз).

27 числа мы подошли к Кабулу. Слева виднелся аэродром и наши самолёты, спуск и уже внизу столица Афганистана. Здесь мы и заночевали. Утром 28-го декабря я получил задачу выйти на Газнийскую дорогу и поменять там десантников. У дороги стоял афганский танковый батальон Т-55. Нам предстояло его охранять, чтобы они не вздумали часом выступить против наших войск. Рассредоточились. Через некоторое время к нам подошёл старший лейтенант, который был советником при замполите афганского батальона. Представился. Я ему говорю:

— Слушай, если вы заведёте машины, то у меня приказ — жечь танки. Но, мы ведь оба понимаем, что дюжина БМП не сможет что-либо противопоставить тридцати двум танкам. Вы нас за две минуты раздавите.

— Не переживайте. Бойки с пушек и затворы пулемётов мы уже давно сняли. Всё под контролем. Вам надо познакомиться с ними, прийти в гости, чтобы я вас представил офицерам.

Ну, раз надо так надо идти. Вопрос к кому? Друзья они или враги — мы не знаем.

— Ну, что, Шура, пошли в гости. Возьми из сухпайка пять банок тушёнки — с пустыми руками идти нельзя. И вот ещё что — мне руки в карманах держать нельзя — это не уважение, поэтому, бери гранату в левую руку, вынимай чеку и держи её в кармане. Автоматы не берём, у нас пистолеты есть, но держим их в кабурах.

Пришли. Познакомились с офицерами. Некоторые из них даже по-русски слова знали. Афганцы накрыли стол и поставили «кишмишовку» — самогон из изюма, достали пару бутылок бренди местного разлива. Чокнулись, выпили по рюмке. Я достал наши консервы, открыл. Угостились. Понравилось. Выпили по второй, третьей. Всё нормально. И тут, один из афганцев сощурился, что-то посмотрел на столе, окинул нас колючим взглядом и бегом на улицу. Повисла пауза недоумения... Слышим — блюёт. Через пару минут офицер зашёл. Вытирая ладонью рот обжог нас взглядом, потом посмотрел на своих, что-то сказал им и те, как ужаленные, выскочили в тот же миг из помещения. Мы остались вдвоём с советником. На улице были слышны рвотные позывы хозяев стола. Начавшееся праздное настроение улетучилось и стало как-то не по себе. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Не знаю. Что-то им плохо стало.

Мы взглянули на банки — может, какая просрочена? И увидели, что на одной из них осталась этикетка, а там красуется такая маленькая, розовая голова свиньи. Стало далеко не до смеха... Пришлось быстро убирать свинину со стола. К нашему удивлению, когда афганцы вернулись, то ничего нам не сказали. Забегая вперёд, скажу, что я с ними потом крепко подружился. Хорошие ребята оказались! Ну, а чтобы исправить

получившийся конфуз, я пригласил этих офицеров–танкистов к нам в расположение, на встречу Нового — 1980 года.

Пригласить-то пригласил, но вот куда? У нас ведь даже палаток не было. Обустроивались, кто как мог. Я к комбату — надо палатка, гостей встречать, чтоб не стыдно было.

31 декабря привезли мне палатку и печку, а земля-то уже промёрзшая была, кругом камень — куда её поставить? Кое-как растянули, привалили концы камнями. Печка задымила во все щели, внутри стоял сизый дым, хоть топор вешай. Это надо было видеть.

Пришли два афганца. Что им подарить? Надо же не то, чтобы опростоволоситься, а чтобы к месту и на долгую память закрепить интернациональную дружбу. Решение нашлось. Нам, буквально, на днях выдали новые меховые шлемофоны, очень хорошие и тёплые. Как от сердца отрывали! Но, ведь и подарок должен быть дорогой — восток дело тонкое. Ну, вот, значит одному — командиру танковой роты Абдул Маджору, я подарил шлемофон и флакон шипра, а другому — начальнику штаба Абдул Вахиту, достались шлемофон и цветные карандаши (пузырька шипра больше не оказалось). Смотрим, а у них какое-то недовольство между собой начинается, заспорили. Я даже нашего переводчика вызвал, чтобы понять, о чём разговор. Оказывается, одеколон это очень ценная вещь! И даже шлемофон не надо. Пришлось срочно искать что-то похожее по всей роте. Нашли. У взводного Морозова был маленький и к тому же, начатый флакончик «Гвоздики». Добавили туда немного воды. Подарили обделённому начштаба и всё сразу как-то устаканилось. Весёлые ребята! А какие наивные — просто нет слов. Где-то, через неделю после Нового года они пришли ко мне в гости. Мы уже обжились тогда. Мне основательно закрепили палатку, а солдаты для себя нашли кирпич-сырец, поставили трёхстенку, накрыли брезентом и печку туда. Ну, так вот, стоят эти двое передо мной и сияют, как новые рубли. Столько радости принесла им покупка чёрных, как смоль, кроличьих шапок, что плотно сидели на их головах. Они были очень довольны тем, что приобрели их по дешевке,

по 100 рублей за штуку. Когда я увидел на болтавшихся бирках цену — 9 рублей 60 копеек, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не расстроить своих афганских друзей раскатистым смехом.

Ночью все проснулись от грохота выстрелов. Выбежав из палатки, я увидел напротив КПП танкового батальона горящий Т-34. Вдали виднелось тоже два пылающих объекта, но что там пылало, разобрать было невозможно. Я своим:

— К бою!

Прыгнув в машину на командирское место включаю ТПКУ (танковый прибор командирский управления) и вижу, что по перекрёстку бегают какие-то люди. Выстрелов нет, но поднялась суматоха, народ мечется туда-сюда. Командую Шура:

— Кумулятивный! — и тут же снаряд пошёл с контейнера в ствол, — Готово!

Командую механику: «Заводи!» — а в ответ тишина. Огляделись, а механика то нет. Как так?

— Шура, где Букаев?

— Да хрен его знает. Бежали к машине вместе.

— Что будем делать?

— Давай я на место механика, — вылезая из БМП, — Букаев! — кричу, — Букаев, мать твою!

И тут из темноты выходит наш механик с пистолетом в руке.

— Ты где был? — спрашиваю на крик.

А он мне в ответ:

— Аааа я подумал, что сейчас всё равно нашу машину из танка сожгут, чего всем сразу погибать, так хоть я один останусь, похороню вас.

— Садись на место, паразит! — командую Букаеву, — а сам в душе смеюсь — киргиз бляха, ну что с него взять.

— Заводи!

Мотор мигом взревел. Шура кричит:

— Командир, что делать?

— Стоять и ждать! Надо оценить обстановку.

Пытаюсь выйти на связь с полком. Тишина. Ночь, понимаешь ли. Я в открытый эфир:

— Кто меня слышит? Кто слышит? Срочно выйти на связь! Бой! Бой! У нас бой! Отзовитесь.

Ответил какой-то боец из первого батальона:

— Что там у вас?

— Срочно связаться с полком! Командиру полка — на газнийской дороге идёт бой!

— Шура, берём автоматы, гранаты и в разведку. Пёхом.

Не доходя метров пятьдесят до перекрёстка — выпускаю ракету. Стоящие там люди вскинули автоматы:

— Дреш! (Команда стой — по афгански)

Остановились. Ждём. И вдруг голос советника танкового батальона:

— Командир, ты?

Говорю: «Я»

— Подходи.

Подшли, смотрим. Стоят бойцы-танкисты и ещё какие-то непонятные военные. Тут же оружие на земле валяется, но немного. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Да, хрен его знает, — отвечает советник, — какая-то танковая колонна пошла ночью на Кабул. Мы срочно поставили бойки, прицелы на три танка. Три выстрела, и как по науке: первый, последний и посередине. Горят, а колонна стоит, стреляй как в тире. Пленные ничего сказать не могут. Не знают — зачем, куда и почему пошли ночью.

Уже потом, на утро, нам объясняло командование, что они, якобы, шли в Кабул на ремонт. А вот почему решили ночью отремонтировать целый батальон Т-34 ответить не смогли.

Как там дальше с ними было — не знаю, другие разбирались. Их развернули, а нам пришлось убирать подбитые тридцатьчетвёрки с дороги, ведь афганцам, которых мы охраняли, было запрещено заводить танки. Ох, и намаялись мы тогда. Я-то по своей наивности думал, что это не сложно. Т-34 весит 28 тонн, а моя БМП почти четырнадцать. Сдвинуть

на нейтрале можно, но надо знать как! Мы все крюки на машинах оборвали, пока нам не подсказали, что сцепление у Т-34 выключается только при включенном двигателе. А как их завести, если они подбитые? В итоге, пригнали откуда-то тягач, он их и убрал.

О. Букаев, П. Чертков, А. Балобежин. Кабул, Дворец Амина, 1980г.

Вот так, вкратце, и прошли наши первые дни. Впереди были долгие месяцы постоянной боевой готовности, сопряжённые с участием в рейдах, зачистках, переходах и прочих спецоперациях. Но я расскажу об одной, за которую, был награждён своим первым боевым орденом «Красной Звезды».

Дело было в провинции Логар. В семи километрах от кишлака Бараки Барак дорога уходила в предгорье и упиралась в козью тропу. Накануне в этой местности моя рота уничтожила 25 духов и, прибыв сюда на следующее утро мы

увидели, что тела моджахедов были накрыты какой-то пеленой и обложены камнями — значит где-то рядом находились другие душманы. При подходе к тропе, справа от колонны роты, метрах в пятидесяти разорвалась мина, непонятно кем и откуда выпущенная, и мы начали разворачиваться в боевой порядок. Впереди был небольшой перевал, а значит, чтобы выжить при боестолкновении, нам было необходимо занять его высоту с обеих сторон. Оседлав высоты, мы увидели ущелье, в котором стоял караван, растянувшийся на 1,5 километра. Доложив командиру батальона обстановку и вызвав подкрепление я приказал отделению АГС (автоматический гранатомёт станковый) открыть огонь по голове каравана, миномётная батарея ударила в его центр, а подошедшая вертолётная пара в хвост, чтобы духи не смогли отойти назад. Завязался бой. Несмотря на многочисленность бандитов, шансов у них не было — мы занимали господствующие высоты. В результате боя, моя рота понесла минимальные потери — был ранен пулемётчик, рядовой Ильенко. Нам досталось много трофеев: различные виды стрелкового оружия, мины, наградные пистолеты, бинокли, спальные мешки, одежда, обувь, медикаменты и многое другое.

Эта операция лишь маленький эпизод той войны, которую кто-то называет странной, ненужной или неоднозначной. Но сейчас, спустя четыре десятка лет с момента её начала, мы как никогда понимаем, что зло следует уничтожать в зародыше и причём, на далёких подступах к своей родной земле.

Кстати, я не напрасно упомянул в начале рассказа «Невельскую» дивизию, ведь через неё прошли очень многие невельчане советской поры. Представьте себе, она существует до сих пор! Правда состоит теперь, вернее входит в состав Вооруженных Сил Республики Узбекистан, но отрадно то, что даже в настоящее время она продолжает носить прославленное и легендарное имя — «Невельская».

Хромосома воспитания

*«Выбор целей воспитания
не может быть случайным»*

Однажды мне посчастливилось взять интервью у действительного члена Петровской академии наук и искусств А. И. Андреева-Снегина. Наш разговор состоялся накануне нового учебного года и был посвящён образованию. Александру Ивановичу было чуть более семидесяти лет, в прошлом он офицер пограничник, а теперь известный на всю страну художник-график, академик ПАНИ, член Союза художников России. Подумать только, его восемьдесят гравюр хранятся в «Третьяковской галереи»! Но кроме всего прочего, этот человек два десятка лет был простым учителем рисования в средней школе.

Разговор был долгим, открытым и увлекательным, но я хочу рассказать только его основную часть, которую мы затронули в беседе не случайно — воспитание в школе.

— Александр Иванович, а сегодня пошли бы работать в школу?

— Упаси Бог, — серьёзно ответил художник, — хотя предложения были. Но нет, категорически нет. Ты понимаешь в чём собственно дело? Я воспитан по другому, меня учили не так как сейчас, а совсем иначе. Воспитание — это передача накопленного опыта, этики поведения, знаний, умений, нравственных норм от старшего поколения к младшему. Если я начну учить так как нас учили, меня в лучшем случае уволят потихому, а в худшем только тюрьма. Ты посмотри, что в школах творится, ученики преподавателя «в грош не ставят», могут урну на голову одеть, матюгами направо-налево бросают, а чуть

что не так, на «горячую линию» звонят, папам, мамам, ГОРОНО и т. д. В школу не за знаниями идут, а чтобы повыпендриваться друг перед другом. У кого круче телефон, портфель, одёжка. Разве раньше так было? Нет. А всё почему? Потому, что раньше приоритет воспитания строили на интересах общества и только потом была личность.

Вот я приведу тебе пример из своей жизни. Когда я учился в школе, директором у нас был отставной майор, ветеран Великой Отечественной Войны, орденосец, разведчик Павлов Иван Васильевич*. У нас в классе шептунных было трое: Павлик Михайлов, Гена Селезнёв и я. На партах имена вырезали, смеялись по чём зря, курили, опаздывали на уроки, с «пугачами» шорох наводили. В общем шило в одном месте, а не дети. Так вот, директор за то, что мы так дерзко себя вели и мешали другим учиться, вызвал нас как-то к себе в кабинет. Для нас это было уже страшно.

В приёмной сидела секретарь, у стола которой мы выстроились в шеренгу и стояли затаив дыхание, слыша как бьётся сердце у соседа. Вышёл Иван Васильевич и молча, своими огромными пальцами, брал каждого из нас за чупрун на голове и затягивал к себе в кабинет. Помню там стоял длинный дубовый стол, с которого до самого пола свисал столешник с бахромой, много стульев, зеркало, портрет генсека КПСС, а у двери напольная вешалка, за которой на гвоздях висели огромные, литые, чёрные калоши с красной байковой подкладкой внутри, производства Ленинградской фабрики «Красный треугольник». Мы опустили долу глаза и пошмыгивая носом ждали экзекуции. Директор потянулся за калошами и тут, Генка быстро сообразил что к чему, и ныркнул под стол. Павлухе досталось с притирочкой, так как он то же рванул следом под скатерть. Ну а я получил по полной, с оттяжкой. Василич согнул меня пополам, чуть ли не в салазки и с размаху калошем по заднему месту. Там калоша была размером с мою задницу! Мне показалось будто в меня тепловоз въехал. И от этого шлепка я как пуля влетел под спасительный стол. И вот сидим мы втроём и ревём навзрыд, а директор стол отодвигает

и достаёт каждого за чупрун. Мы кричим, что не будем больше никогда хулиганить, обещаем учиться на одни пятёрки, а он нас калошем ещё и ещё. И главное, всё молча, ни одного слова не проронил. Ну, в общем, вылетели мы от него, как пробка из под шампанского, и бегом на чердак. Нельзя же в классе заплаканными появиться, мы вроде как «основные пацаны», ватага. Вот так и сидели, сушили слёзы. Конечно мы никому об этом даже не заикались, а чтобы родителям рассказать, да не в жизнь, ни в коем случае, иначе дома ещё больше огребли бы.

— А, что потом было? — спрашиваю.

— А что потом? Да ничего, поумнели враз! Как говорить: «Сколько на человека не кричи, а ударить как-то надёжнее». Шутка, но в каждой шутке, есть только доля шутки. А если серьёзно, то ещё Иоанн Златоуст перефразировал Сираха: «Лилей дитя своё, и оно утрашит тебя в старости». Вот так, нас воспитывали.

— Да, Александр Иванович, я даже не знаю, что и сказать.

— А тут и говорить нечего, это вечная педагогическая проблема, что главнее — личность или интересы общества? В настоящее время Закон «Об образовании» основан на гуманистической концепции, имеющей много сторонников как в России, так и на Западе. Его цель — оказание помощи личности в реализации всех заложенных в ней способностей и талантов, в осуществлении ею собственного «Я».

— Что ж в этом плохого?

— Плохо то, что на первое место ставится «Я», а потом уже всё остальное. Ты басню Крылова «Лебедь, рак и щука» помнишь? Вот, вот, теперь понимаешь откуда у нас проблемы растут. Попробуй народ собрать на что-то благое или общее? Фигушки, придут единицы. Потому что в первую очередь «Я».

Я уходил от Александра Ивановича под огромным впечатлением от этого диалога. Как же всё-таки он доступно разложил всё по полочкам, да ещё и бессмертное произведение классика прямо в «яблочко» добавил. На мой вопрос о школьных друзьях «по несчастью», он тепло улыбнулся и сказал, что всё

у них сложилось хорошо. Гена закончил мореходное училище и ходил по морям в заграничные плавания, а Павел стал машинистом и водил пассажирские поезда. Ну а сам он, уже будучи офицером, встретил директора школы и сказал ему большое спасибо, добавив: «Мало нам попадало от вас, Иван Васильевич. Надо было чаще, может мы и добились чего большего».

Примечание:

*Павлов Иван Васильевич (09.11.1908 — 20.10.1989гг.) участник Великой Отечественной Войны, ветеран труда. Родился в г. Невеле. Окончил среднюю школу, затем педагогический институт имени Герцена. До войны работал директором средней школы ст. Волот Новгородской области. 22 июня 1941г. был призван на воинскую службу Невельским РВК. Воевал на Ленинградском, Волховском и Прибалтийских фронтах. Был дважды ранен. После войны работал инспектором народного образования при облисполкоме г. Великие Луки, с 1950г. — директором средней школы г. Новосокольники. Награждён орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны 2степени». Захоронен в г. Невель.

04.10.2018г.

Невыдуманные истории из жизни поисковых отрядов

Деятельность поисковых отрядов «Гвоздика» и «Патриот 60», организованных в Невельском районе Псковской области, не ограничивается «Вахтами памяти». Поисковики круглогодично ведут исследовательские работы, изучают архивы, после поисковых работ ищут родственников погибших бойцов. Их рассказы о ходе поисковых операций завораживают, а некоторые случаи просто необъяснимы.

Один из таких случаев поведал командир поискового отряда «Гвоздика» Михаил Ясютич:

— Лет пять назад мы участвовали в поисковой экспедиции на территории соседнего Великолукского района. Нам предстояло поднять на поверхность башню от танка «КВ-1» из небольшой болотины. Хотя её даже болотиной назвать язык не поворачивается, так себе, небольшая ложбинка, затопленная водой. В общем, ничего себе такого серьёзного ландшафт не представлял. Но! Лёгкая, на первый взгляд, задача заставила нас изрядно попотеть на протяжении двух суток. А всё потому, что у нас, то постоянно рвались металлические тросы, которые мы уже замучались паять, то ломалась лебёдка. И вот, в очередной раз, лопается буксир. Вооружившись поисковым щупом, иду в жижу искать утонувший конец стального каната. Начинаю щупать. С третьей, а может, с четвёртой попытки шпуля натывается на нечто иное, не похожее на металл. Тот, кто занимается постоянной поисковой практикой, может безошибочно определить, во что упёрся щуп (дерево, кость, стекло или металл). Характерный глухой и одновременно мягкий стук подсказал мне, что это кости. Я позвал товарищей.

Мы планомерно исследовали всю площадь данного квадрата и подняли останки погибшего танкиста (скелет и кусочки комбинезона). Потом нашли концы троса, спаяли их и без особых усилий вытянули башню. Бронированная конструкция, как по маслу, вышла на сушь из многолетнего топкого заточения. Не знаю, мистика это или божий промысел, но только после подобных случаев, мысли о наличие сверхъестественных сил в природе посещают меня чаще.

Не менее мистическую историю рассказала нам Ольга Петрова — руководитель Центра патриотического воспитания поискового отряда «Гвоздика»:

— Поисковая работа на Невельщине активизировалась с переездом из Латвии в г. Невель равнодушного человека, Михайлова Ивана Петровича, организовавшего и долгие годы возглавляющего поисковый отряд «Гвоздика». Для Ивана Петровича поисковая работа стала, можно сказать, смыслом жизни. Он говорил: «Мы должны выполнить заветы тех, кто погиб за наше будущее. Ведь память — наша история, а стерев прошлое — мы стираем будущее».

В июне 2018 года его не стало, а в августе, спустя не полных два месяца с его кончины, у д. Слуки юными поисковиками отряда «Гвоздика» был поднят очередной красноармеец. И — радость: рядом оказался медальон. Инита Шафа, внучка Ивана Петровича Михайлова, бережно разворачивает медальон, читает чудом сохранившиеся строки ...и чуть не падает в обморок.

ИВАН ПЕТРОВИЧ МИХАЙЛОВ, красноармеец, призванный на войну из Башкирской ССР, Федоровского сельсовета. Полный тезка нашего командира. Год рождения неразборчиво.

Как тут не поверить в мистику? Это была первая «Вахта Памяти» без Петровича. Его глаза глядят на нас с баннера, с фотографий у мерцающих лампадок. До сих пор не верится, кажется, что он рядом. А он рядом. Возможно, это он прислал нам весточку. В тот момент, даже взрослые поисковики не могли сдержать слёз, что уж говорить о молодёжи.

В августе 2010 года бойцы поискового отряда «Наследие» имени летчика-истребителя Н. К. Лошакова совместно с бойцами поискового отряда «Гвоздика» работали вблизи деревень Плетни и Кармаленец Туричинской волости Невельского района. За восемь поисковых дней ими были подняты останки 17 красноармейцев.

У одного из павших воинов была обнаружена иконка, завернутая в полуистлевшую газету. Кстати, срок хранения газетной бумаги даже в архивных помещениях предполагает только 50 лет, а тут, более 70-ти, да ещё в земле.

Осторожно открыли газету и прочли слова «в кинотеатре идут фильмы...». Из исследованного текста стало известно, что, вероятно, павший боец родом из Сибири. Такой вывод поисковики сделали, во-первых, потому что газета городская, а во — вторых, в том же узелке находились нательный старообрядческий крестик и металлическая иконка — складень, причём в таком отлично сохранившемся состоянии, как будто её только что приобрели или изготовили. Поистине Пресвятая Богородица указала путь поисковикам к траншее, ставшей могилой для павших воинов. Попутно замечу: старообрядческий крест отличается от современного тем, что он восьмиконечный и на нём нет распятого тела Спасителя.

Опытные поисковики знают, что найти солдатский медальон — это большая удача. Довольно часто в руки поисковиков попадают и так называемые именные находки (котелки, кружки, ложки). Но практика показала, что они являются лишь косвенными доказательствами личности погибших. А самое обидное, это когда случаются такие казусы:

Во время проведения «Вахты Памяти — 2009» поисковики нашли записку в винтовочном патроне. Видимо, солдату еще не успели выдать смертного медальона. Экспертиза позволила установить имя бойца — Ягненников Василий Матвеевич, призван в 1941 году Сталинким РВК в г. Фрунзе Киргизской ССР. Из письма посла Киргизии в Москве выяснилось, что нигде в списках он не значится. Как такое может быть? Боец на обратной стороне формуляра размашистым почерком

написал «Матвеевич». Значит, воевал и погиб за своего отца, за свою семью! Перезахоронили бойца в деревне Сороки Лобковской волости Невельского района в братской могиле.

Подобный случай рассказал нам командир поискового отряда «Патриот 60» Кирилл Шляц:

— В районе деревни Погребище, в 2015 году, нами были подняты останки красноармейца, при которых был найден заполненный смертельный медальон. В нём значилось: Йорх Иван Петрович, 1920 г.р., Саратовская область, Бамурский район, Вадский сельсовет, деревня Вадик.

Естественно мы все обрадовались, что вернём ещё одно имя советского бойца из небытия. Но, воспользовавшись стандартной процедурой поиска через сайты ОБД «Мемориал» и «Память народа» мы не обнаружили каких-либо сведений о данном солдате. Странно, неправда ли? Боец есть, медальон есть, откуда призвался то же известно, а базе данных его нет. Мы решили, что причина кроется в фамилии красноармейца, похоже, что он был поволжским немцем. И тогда мы обратились к Алексею Кислицину. Этот человек родом с Украины, но проживает в Германии. Он абсолютно русский по национальности и бескорыстно, исключительно за свой собственный счёт, занимается такими сложными ситуациями. Им была поднята вся цепочка трудовой коммуны немцев Поволжья «Байдек», которая была расформирована в 1941 году, а её жители депортированы в дальние регионы СССР, по политическим соображениям.

В итоге, на просторах нашей необъятной Родины были найдены пятнадцать Йорхов, которые значились Петровичами. Но, никто из них не стал развивать дальнейшее сотрудничество с поисковиками. Они сами наглухо закрылись от этой информации. Вероятно, у них до сих пор присутствует некий страх или обида на ту власть, которая по определению записала всех немцев врагами. На этом поиск прекратился.

06.08.2020г.

Помяни мя

— Тётя Лида, вот он, — Коля показал указательным пальцем на маленький ключик от замка сарая соседки, который та обронила ещё рано утром, впотьмах закрывая входную дверь в дровяник. Ключ лежал справа от порога, ниже стойки опалубки, вмятый калошами старушки в растоптанную слякоть, у стенки ветхого подворка.

— Ой, какой же ты глазастый, Николаша, — Я уже битых полчаса здесь глаза выкатываю, спасибо тебе, — пойдём ко мне, я угощу тебя манником.

Предложенную порцию пирога малыш очень быстро и жадно умял за обе щёки, чем вызвал неподдельное изумление у женщины. Она знала, что Коля растёт в неблагополучной семье, но совершенно не ожидала увидеть в глазах пятилетнего мальчишки такой голодный блеск. Три месяца назад он вместе с родителями поселился здесь, на отшибе провинциального городка, в барачном доме на восемь семей, у заброшенного асфальтобетонного завода. Их переселили сюда по решению суда из добротной благоустроенной квартиры за неуплату многотысячного долга по жилищно-коммунальным платежам.

— Коля, ты что, голодный?

— Чуть-чуть, — сказал тихо мальчик и виновато отвёл в сторону глаза. Папа строго-настрого запрещал ему на что-либо жаловаться, особенно посторонним. Но ведь тётя Лида не посторонняя, подумал Коля, — она же вместе с нами живёт, в одном доме, только через стенку.

— Мама говорит, что я жаворонок, потому что раньше всех просыпаюсь. Они скоро встанут, и мы будем кушать макароны.

Соседка посмотрела на часы, что висели на стене между двух узких окон. Стрелки старых ходиков показывали без пяти минут

десять. Бедный ребёнок, подумала тётя Лида, и тут же всполошилась:

— Голова моя садовая, уже десять часов, а почта сегодня до обеда работает. Надо успеть пенсию получить, — выходные длинные на носу...

Аккуратно закрыв за собой входную дверь, Коля на цыпочках пробрался по коридору и заглянул в комнату. Развалившись на всей площади раскладного дивана, родители продолжали спать, раскинув свои конечности в разные стороны.

Отец вернулся вчера поздно, принёс водку. Коля уже лежал на своей кровати в дальнем от входа углу, отгороженный от мира родителей трёхстворчатым шкафом. Заснуть никак не получалось, и он слышал их разговор.

— Сегодня электрики приходили, сказала мама, — грозятся свет обрезать, если не заплатим долг до конца недели.

— А с чего его платить? — Ты ведь техничкой на полставки работаешь, а я слесарем — минималку получаю. Вкальываем, как проклятые, а с нас ещё три шкуры дерут. Цены столичные — зарплаты комичные.

— Дрова купить тоже не за что, а скоро холода. Если отапливать тенами будем, то никаких денег на электричество не хватит. Обрежут провода, а счётчик снимут.

— Пусть режут. Я провода на столб и сам закинуть смогу. Будем напрямую подключаться.

— Рано или поздно поймут, надо искать выход.

— Ну, давай второго ребёнка сделаем. Получим материнский капитал, халупу в деревне купим. Или давай, как цыгане, стругать потомство, а потом гуськом по кабинетам за льготами и пособиями ходить будем.

— Ладно-ладно, успокойся... Наливай, давай.

Коля всегда хотел, чтобы у него был маленький брат. Он завидовал другим семьям, где было много детей. Им было весело. Ох, как бы он заботился о младшем братишке. Мама назвала бы его Мишенькой, в честь своего отца. Она как-то говорила об этом вслух мечтательно. В сладких грёзах Коля уснул. А сейчас, сейчас ему очень хотелось кушать. От сладкого

кусочка манника в животе разыгрался настоящий оркестр, настойчиво требуя еды. Будить родителей было нельзя. Папа очень ругался, когда это происходило. Он очень уставал на работе, и ему надо было хорошо и спокойно отдохнуть.

На обеденном столе в окружении пустых бутылок стояла чугунная сковорода. Заглянув в неё, мальчик увидел несколько застывших макаронных перьев. Он очень любил эти толстые трубочки и всегда с наслаждением всасывал их в рот, даже если они были такими холодными, как сейчас. Облизав подушечки маленьких пальчиков, Коля поймал себя на мысли, что ему захотелось кушать ещё больше. Но сковородка была уже пустая. В этот момент его отвлёк скрип дивана, на котором перевернулась на другой бок его мать. Из разреза её халата наружу выкатилась голая грудь. Мальчик замороженно смотрел на тёмный сосок титки и словно во сне плыл к нему всё ближе и ближе. Он помнил, что когда-то он постоянно сосал эту штуку, и чувство голода пропадало. Вот и сейчас он припал к материнской груди, но что-то было не так, — не так, как когда-то. Какой-то горький привкус вязал язык и сушил его рот. Как будто по команде, родители открыли глаза и впились двойным взглядом в лицо маленького Коли. От неимоверного страха мальчик протяжно закричал...

Откуда-то издалека послышался тёплый и знакомый до боли голос:

— Коля, Коленька, что с тобой, дорогой мой, проснись?

Необычайным вихрем потоки сознания возвращали память в настоящую реальность.

— Что это со мной?

— Опять тебе кошмары эти снятся, кричишь во сне как сумасшедший. — Вон и ребёнка напугал.

Краем одеяла Николай вытер со лба горячий пот и сел на кровати. Его жена Светлана уже успокаивала проснувшуюся дочь.

— Господи, да что же это такое? Когда всё это закончится? Ведь тридцать лет уже прошло. Раньше как-то редко мучили эти воспоминания, а сейчас чуть ли не каждую неделю снятся.

— В церковь сходи. Покайся, исповедуйся, причастись... — сказала присевшая рядом супруга.

— Да не в чем мне каяться, Света.

Николай привлёк голову жены к своей щеке, поцеловал и тихо сказал:

— Прости меня, Светик. Замучил я вас своими проблемами.

— Сходи, Коля, сходи. Завтра Вселенская родительская суббота.

Пройдя мимо часовни городского кладбища, Николай направился в дальний угол боговой делянки. Не без труда, но он отыскал заросшую травой могилу матери. Он не был здесь, наверное, лет пятнадцать. Покосившийся на бок деревянный крест надо будет заменить, подумалось ему. Прибрав разросшийся осот вокруг осевшего холмика, Коля присел на стоявший рядом пенёк от сгнившей скамейки. Память нехотя возвращала его мысли назад, в прошлое. Он с болью в сердце вспоминал, как тогда, будучи маленьким мальчиком, страдал от непреодолимого чувства голода. Эти постоянные пьянки отца и потакания матери. Слёзы обиды на всё это нищенское существование. Голодные обмороки, после одного из которых тётя Лида вызвала карету скорой помощи. Больничную палату и врача, который не мог поверить в то, что в 21 веке дети пухнут от голода. А как через три дня после скудного рациона, к которому мало кто из больных вообще прикасается, на лице маленького Коли заиграл румянец, он стал бегать и прыгать, как все здоровые дети. Как со слезами на глазах мальчик просил врача не отпускать его домой к родителям... Потом была смерть матери от удара током, и угрызения совести у отца за оголённые электрические провода. Правда, позже он утонул где-то на рыбалке по пьяному делу, его тело так и не нашли. В итоге — интернат и очень ранняя взрослая жизнь.

— Я не виню тебя, мама. — Просто я понять не могу, за какие грехи мне всё это?

Коля поставил у основания креста стопку водки и накрыл её корочкой чёрного хлеба, а затем вытянул из пакета контейнер,

открыл его, и аккуратно положил на могилу несколько отварных макаронных перьев.

— Это для тебя, мама. Прости, что меня не было так долго. И вот ещё что: уже, став взрослым, я читал заключение о твоей смерти. Ты была на втором месяце беременности. Наверное, ты сама об этом не знала. Не обижай там Мишеньку. Я для него принёс небольшой подарок, и Николай заботливо усадил на могилу плюшевого медвежонка.

— Покойтесь с миром, родные мои, я всё равно вас люблю.

Бабушкино детство

Ещё остались живые свидетели фашистской оккупации, их мало, но они есть, а ещё есть люди, которые прошли сквозь ужас лагерей смерти, те, кто хлебнул горя по самое донышко. Я была в шаге от этого ада, но Господь уберёт меня.

22 июня 1941 года в деревне Сурмы, что была когда-то частью Топорского сельсовета, играли свадьбу староверы Вороновы. От соседнего села Мякинчино к нашим домам вилась дорога по крутой горе. Так вот, в самый разгар свадьбы, мы увидели, как по ней бежит человек, шибко бежит, аж пыль столбом за ним тянулась, как хвост. Сушь тогда стояла невероятная. Всем сразу стало ясно, что-то случилось, ведь мужики по деревне не бегают просто так.

— Война, война с немцами, — задыхаясь, выпалил сельчанин.

Все тот час и обомлели, ошарашенные известием, опосля ринулись к своим домам радио слушать. У нас в хате тоже имелся этот чёрный кругляшок на батарейках, «Рекорд», по моему, назывался. Через репродуктор мы узнали, что всем мужчинам 1905 –1918 годов рождения необходимо срочно явиться в сельсовет.

Отец собрался за пять минут. Мать в плач... Мы с сестрой ещё долго за папкой бежали, ревели навзрыд, а он остановится, посмотрит в глаза каждой, пожалеет ладонью по голове и дальше молчком. Он так и не вернулся, погиб где-то под Белостоком в 1944 году.

Виктор Александрович и Мария Ивановна Бобровы по воспоминаниям которых написан этот рассказ

Туго нам пришлось, когда пришли немцы. Помню, как они гарцевали на мотоциклах по нашей горе, коляски у них были ещё тогда с ведущими колёсами. У каждого губная гармошка. Но остановились они в деревне Парахны, а у нас только полицаи жили. Почти каждую ночь у них шли перестрелки с окруженцами да партизанами, от этих стычек половина домов в деревне сгорело. От страха мы прятались всей семьёй в яме, что выкопали за домом, а днём было относительно спокойно. Деревня располагалась у самого леса, поэтому население выгоняли на спил кустов и деревьев, чтобы видимость подходов путей к ней была до двух километров.

У нас была корова, одна единственная на всю семью — наша кормилица. Очень берегли её. Днём она была с нами, а на ночь мы отводили её за пять километров, в Парахны. Днём полицаи

с немцами обирали народ, а ночью приходили партизаны. И одним и другим надо было обязательно что-то дать, то овцу заберут, то яичко, то варежки надо, то соль, хлеб, спички. Не дашь, так они сами отберут, а то и расстреляют. Вот так, меж двух огней и жили. Спустя некоторое время партизаны увели от нас корову. Вообще туго стало. Но выжили, сумели как-то, помилуй Бог.

Полицаи лютовали пуще немцев, много их было в нашей местности. Вели себя нагло, надменно, а перед фашистами стелились, как собачонки. Бывало, зайдут в дом и просят маму связать носки для фрица, чтобы подмаслить «хозяину», а если прознают, что ночью в доме партизаны были, так на двор тянут, на расстрел, а я, малютка несмышлёная, катаюсь у них в ногах, плачу: «Не стреляйте мамоньку, не стреляйте...».

Осенью сорок третьего один немец предупредил: «Уходите в лес, прячьтесь, вас скоро погонят в Германию, а деревню сожгут». Не удивляйтесь, были и такие немцы. Так мы чуть ли не всей деревней ховались на острове, что на озере близ деревни Сивцево. Нас нашли полицаи и выдали, выслуживались псы проклятые. Стали вертать назад, а дорога через болото по настилу сгнивших брёвен. Одна из женщин была беременна, звали её Горелова Мария Петровна. С ней три девочки было: Лена, Нюша и Шура. Так вот она как-то оступилась и ввалилась в тину по самые плечи, еле вытянули её. Но вот какое дело, то ли от страха, то ли время подошло, но в деревне Мосеево, куда нас пригнали, она родила девочку. А ни пелёнок, ни какой-либо одежды ведь нет. Откуда там взять что-то можно было. Завернули, что под руку попало, и погнали нас дальше, через деревню Репище, на Трехалёвский большак. Мы шли долго и после каждой деревни, что попадалась нам по пути, колонна становилась длиннее. Как я уже сказала, время было осеннее, октябрь, аккурат в канун Покрова. На станции Маево нас должны были погрузить в вагоны, состав уже был собран и стоял под парами, но партизаны взорвали мосты чуть ли не по всей округе. Повезло нам тогда. Много позже мы узнали, что в это

самое время шла «рельсовая война», а неделей ранее уже был освобождён наш районный центр.

С поездом у фрицев не получилось, и нас погнали в Германию пешком. По дороге перебивались, чем могли. Настенька — сестра моя старшая, то в дом какой забежит, выпросит у хозяев кусок хлеба или горсть зерна, то листья соберёт, то боб или горох где отыщет — это и хрупали. Спаси и помилуй. Наступила зима, а на мне были резиновые сапожки, ведь одеты все были по-осеннему. В какой-то деревне удалось раздобыть старые валенки, так я прямо в сапогах в них и нырнула. Всю зиму нас гнали куда-то на запад, и к весне сорок четвёртого мы оказались на хуторах, глубоко в Прибалтике. Я многого не помню, я всего лишь была маленькой девочкой, пяти лет отроду. Подробности о которых я сейчас рассказываю, мне рассказала мама, много лет позже, когда я уже что-то понимала в этой жизни. В марте сорок пятого наши войска нас освободили. Счастье было превеликое, плакали абсолютно все, нас даже не пугало пешее возвращение. Снег уже начинал подтаивать. Валенки на мне разваливались на глазах. В каком-то населённом пункте нам повстречалась добрая женщина. Она предложила пожить у неё, но мы торопились домой. Тогда она дала нам на дорогу самовыпеченную буханку хлеба.

Идти было тяжело, дороги ведь никто не чистил, местами даже проваливались по колено. В одном селе нам повстречался мальчик, который тянул за собой саночки. Мама предложила ему хлеб в обмен на них. Он замялся на минутку, а потом сказал:

— Здесь полозок в одном месте сломан, — и показал где. Но мама согласилась и на такие. Где-то в районе города Себежа около нас остановилась полуторка и солдаты предложили подвезти. Это были сапёры, они направлялись в деревню Турки–Перевоз на разминирование. Ну, а дальше нам оставалось рукой подать до дома.

Двадцать семь дворов были сожжены подчистую, лишь голые трубы печей встречали нас. Стоя у пепелища, я прижалась к матери и спросила:

— Мамочка, можно мне супчика сделать? Очень, очень хочется. Пусть даже кислого.

— Доченька, как я тебе его сделаю, видишь, всё сгорело.

— Мамуля, мы ведь в печке суп варили, печка-то целая...

Первое время жили в землянке. Настенька сапёрам помогала, они ей подарили за это две большие гильзы и ящик из-под снарядов. Этот ящик служил нам и шкафом и столом одновременно, а в гильзах мы воду носили, и кушать готовили. Перекапывали поля, искали прошлогоднюю картошку. Перемерзшая, при варке она сразу разваливалась, поэтому приходилось добавлять к ней липовый лист. Колоски собирали, крапиву, рвали листья на деревьях, потом всё это, как следует, рубили и ели такую кашу. Мыться тоже негде было, да и нечем, мыло по тем временам казалось роскошью, вши и чесотка были кругом. Мама кидала в кипяток золу, потом ждали, пока отстоится, этим и мылись.

В деревню стали возвращаться мужики, в основном покалеченные, кто без пальцев, без руки или ноги. Мария Горелова тоже вернулась со своими девочками, но от жизни в землянке, её малютка покрылась какой-то корью и вскоре умерла.

Начинали восстанавливаться колхозы. Первым делом закапывали траншеи на полях, а потом сеяли. Помню, как взрослые впрягались в длинную жердину, на конце которой был плуг: трое справа, трое слева — так и пахали самотугом. Несколько позже из Германии пригнали коров, и наша Настя приступила к работе дояркой на ферме. За трудовень ей давали пол-литра молока — большое подспорье в те годы.

В 1946 году я пошла в школу, она находилась в нескольких километрах от нас в деревне Мешово. Далекое было, конечно, одежды практически не было, а обуви и подавно. Ходили босиком до поздней осени. Поутру морозец прихватит, ножкам холодно, так мы остановимся, пописаем на них, чуть отогреются, и дальше бежим.

Вот так и жили. И ничего ведь, смогли, выдюжили всё и детей подняли с внуками, потому что ценили жизнь, умели

и любили работать.

30.06.2020г.

Лёня бедненький

На окраине маленького, провинциального городка, в частном секторе, стоял ветхий бревенчатый дом, замыкающий улицу с довольно противоречивым названием «Красных партизан». Ирония этого наименования заключается в противопоставлении термина явному смыслу, так как если идти от обратного, то получается, что были и другие партизаны, например: белые или синие. Но, оставим разбор семантики на совесть социалистического ликбеза. Так вот, вокруг этого дома, располагались надворные постройки, в которых хозяин содержал десятки видов разной живности. Здесь были: коровы и козы, овечки и свиньи, коты и собаки, курицы с утками и т. д. и т. п. А всё потому, что хозяином этой домашней фермы был не кто иной, как Голубев Леонид Францевич, заслуженный ветеринарный врач, а ныне «счастливый» пенсионер и по совместительству фермер.

Несмотря на скудный государственный пенсион Францевич продолжал практиковать, никому не отказывая, поэтому нередко возле его дома выстраивались очереди из людей и дорогих автомашин, которые вносили резкий контраст в пейзаж захудалой улицы.

Айболита Голубева уже давно прозвали: Лёня — бедненький, и, невзирая на его почтенный возраст, продолжали называть так до сих пор, потому как, каждое животное доктор всегда встречал одной и той же фразой: «Ах, ты мой бедненький».

Вот и сегодня, встречая на пороге дома старушку с петухом в лукошке, Лёня произнёс: «Ах, ты мой бедненький, что с тобой случилось?».

Из берестяной корзины выглядывали возмущённые глаза кохинхинского самца с пушистым палевым окрасом

и серповидными хвостовыми перьями.

— Не поёт, — ответила хозяйка птицы.

— А, должен? — усмехнулся Айболит, он шутливо повторял движения петуха и следил за его реакцией на происходящее.

— Ну, а как же? Он ведь петух и должен петь, особенно по утрам, а этот даже не квохчет. Может больной?

— Сейчас посмотрим, до обеда ещё далеко.

Доктор проверил у птицы глотку, грудку, киль, измерил температуру, всё в норме. На лапы не садится, переступает бодренько. Лёня задумался. И в это время зазвонил городской телефон. Он подошёл и снял трубку.

— Алё, слушаю.

На другом конце связи слышались громкие всхлипывания деревенской женщины.

— Дохтур, собачку посмотреть можете?

— Что с ней?

— Так квёлая какая-то, не ест ничего, слюна течёт.

— Что давала, собаке?

— Водку.

— Сколько?

— Сто грамм.

— А, сябе?

— А, сябе ни сколько.

— Привесть сможешь?

— Не на чем.

— Ах, ты бедненькая... и я бедненький, у меня только лисапед, бери такси и приезжай, — доктор положил трубку и подошёл к петуху. Подумал немного, потом взял его подмышку и понёс на двор. Старушка выбежала за ним следом.

— Лёня, ты чего это удумал?

— Сейчас всё узнаешь, ты, где петуха держишь?

— В квартире.

— Одна живёшь?

— Да.

— А, зачем ты его купила?

— Так скучно одной то.

— Понятно, а теперь смотри, — он быстро закинул петуха в загон к курицам.

Ох, что тут началось! Петушок вмиг преобразился! Отчаянно забил крыльями (это у них, наверное, вместо «Здрасьте»), грудь вздулась, перья в стороны, гребешок дыбом, курочки все всполошились, начали беспокойно кудахтать. А наш-то кохинхинец ну просто красавчик! Шпоры «горят». Голосок прорезался, да ещё такой звонкий! Квооох-тоо-квоооох — ко — коо — квооооохт!

Старушка аж рот ладонями прикрыла, забормотала что-то, а Айболит ей говорит с укоризной: «Скучно ей, понимаешь ли, а ему с тобой весело, что ли? Сдалась ты ему старая, нам молоденьких подавай! А то, наберут себе живность всякую, да ещё экзотику подай, а что делать с ней не знают. А природа она такая, своего требует, её не обманешь!»

11.04.2019г.

Шестая степень невезения

*Это был человек замечательный
по своим непрерывным
и анекдотическим неудачам.
(Ф. М. Достоевский «Идиот»)*

Женя Романов рос обыкновенным мальчуганом и ничем не отличался от своих сверстников. Был не хуже и не лучше других, так же, как и остальные ребята, бегал, прыгал, играл в войнушку, получал ссадины, шишки, синяки, рвал штаны на соседских заборах, падал с качелей, бороздя мягким местом асфальт. Повзрослев, кружил в пацанских ватагах, ходил на танцы, гонял «чужаков» из другого района и убегал от них, когда приходилось провожать девчонок в соседний квартал. В общем, нормальное детство, как у всех в советское время.

Первые сомнения в никчёмности своей планиды Евгений начал замечать после призыва на срочную службу в ряды Советской Армии. Молодому солдату выпала честь проходить «почётную» службу в строительном батальоне, кочующем по степям Туркмении. В роте, где представителем русской национальности, он был в единственном числе, за тысячи километров от родного порога.

Отслужив положенные 730 дней и ночей, Женя вернулся домой, но, к сожалению, уже в другую страну. Радужные мечты о светлом будущем канули в небытие с распадом Советского Союза. По его маленькому, провинциальному городу уже носились иномарки, ходили, покачиваясь, размалеванные девицы в мини-юбках и колготках в мелкую ячею. Вкус «Марса», «Сникерса» и «Баунти» Евгений оценил в первый же день, как неплохую закуску к дешевому «Агдаму». На следующее утро

Евген, как его теперь стали называть друзья, снимал похмельный синдром баночным пивом. Пальцы рук ещё не привыкли к новомодным открывалкам и поэтому, на помощь приходил безотказный консервный нож.

— Бред какой-то, — вслух сокрушался дембель, — так всё изменилось за два года, просто дикость. Люди словно переродились, разговоры только о долларах, купи-продай-навари. Та-а-а-ак, Родину у меня, похоже, украли. Что делать? Делать нечего, надо искать работу, становиться «на ноги» да обзаводиться семьёй.

Приученный, за пару лет, к восточному колориту моральных ценностей Женя понимал — «Кто долго невесту выбирает, тому кривая достаётся». Но доступность половых отношений, ставшая «нормой» в социуме, пугала и наводила на нехорошие мысли в отношении выбора будущей спутницы.

Устроившись на работу в маленькую организацию, Евгений через пару недель уже был пленён формами шустрой секретарши, которая ни в коем случае не хотела упускать своё счастье, и действовала по принципу «Куй железо пока горячо». Так поступает большинство женщин стремящихся, во что бы это ни стало, как можно быстрее выйти замуж и родить ребёнка, а там уже «стерпится-слюбится», да и не так страшно в случае чего. Статус разведённой мадам, да ещё с дитём на руках, куда предпочтительнее брошенной девки. Народ у нас жалостливый и быстро определяет: «Если брак был, значит, жертва, значит брошенная мужем. Если брака не было, значит, гулящая. Всё просто».

После пары свиданий секретарша уже нашла съёмную квартиру, и вскоре молодые жили вместе, а через три месяца они уже сыграли свадьбу. Мелькали дни. В помещении, где располагалась организация, в которой работала молодая чета, было восемь кабинетов. В одном работала жена, в другом муж, а в третьем — тёща. 24 часа в сутки Романов находился под неусыпным контролем родни, понятие свободы, как определение, исчезло из жизни Евгения, его всё чаще стали посещать мысли, а не поспешил ли он?

Своей горе Женя решил успокоить алкоголем, который постепенно становился необходимой пищевой добавкой. Семейная жизнь дала трещину, начались скандалы, они и провоцировали употребление хмельного зелья всё чаще. Одна из ссор, во время обеденного перерыва на работе, привела к порче имущества предприятия и последующему увольнению Евгена. Тут и начались скитания по различным организациям в поисках трудоустройства. Но работа на том или ином предприятии продолжалась не более двух-трёх месяцев. Негатив в семье Романовых нарастал как снежный ком. Рождение ребёнка несколько сгладило их отношения, но ненадолго. Каждодневные упрёки и нелюбезные слова жены в адрес родителей мужа расшатали нервную систему Евгения до предела, он решил уйти из семьи.

— Мне нужен был от тебя только ребёнок! Мы тебя хотели принять в свой «клан», это не твоя семейка, где папа инвалид, а мама уборщица. Вали теперь на все четыре стороны, — повторяла жена.

— Могла бы сказать прямо, что нужно улучшить ваш семейный генофонд. Сделали бы без всякой свадьбы, под мостом каким-нибудь или забором.

— Тебе не будет жизни! Моя мама изучала чёрную магию.

— Шла бы, ты, ехала со своим кланом на все буквы великого и могучего.

Недельный запой Романова сопровождался кошмарными снами. От них не было покоя ни днём, ни ночью. Ему снилась мутная вода в подвале сарая, которая не уходила несколько дней. Он приближался к ней лицом, но она была тиха и пугала своим безмолвием. Потом Женя видел, как странная старушка, с пергаментным лицом, надувает футбольный мяч, с такими продольными полосками, серо-коричневого цвета, похожими на заплатки и пускает его ногой в пляс по земле. Мяч прыгает, и с каждым ударом разрушает всё, к чему он прикасается. После чего увеличивается всё больше и больше. Вот мяч оставляет огромные ямы на дороге, ломает деревья, дома и летит на голову Евгению, чтобы раздавить его и его отчий дом

в родной деревне. Земля трясётся, он настолько большой и страшный. Женя бежит навстречу ему и уклоняется в сторону, но бежит не один, а с кем-то за руку, крича и предупреждая остальных родичей об опасности. Мяч падает рядом с домом, крутясь вокруг своей оси, рушит крышу и улетает куда-то вдаль.

Последующие месяцы и даже годы неудачи сыпались на голову Романова одна за другой, как из рога изобилия. Пусть они были мелкими, незначительными, но их было так много, что казалось будто, жизненный пазл состоит только из них. В очереди на нём заканчивался товар, он постоянно куда-то опаздывал, а приходя заранее, ожидал по часу и более. Если сегодня сделал долгожданную покупку, на завтра она уже продавалась со скидкой в 50%. Побывал в нескольких ДТП, но без каких-либо последствий для здоровья. В основном невезение, касалось материальных благ и личной жизни, в остальном всё было терпимо. Склонный от рождения ко всяким мистическим предрассудкам, Евгений побывал у разных знахарей и экстрасенсов. Не помогло.

Встретив однажды на улице старую знакомую, Романов пригласил её в кафе, посудачив некоторое время о том, о сём за рюмкой чая, подруга посоветовала ему обратиться в библиотеку к Инессе Михайловне. Женщина слыла в узких кругах знатоком нумерологии, была в высшей степени образованна, увлекалась фитотерапией, была, чуть ли не магистром каких-то наук. Понятное дело, библиотеки всегда были, есть и будут кладёзем знаний. На книжных полках можно найти ответы на любые вопросы.

Понимая, что он ничего не теряет, Евгений познакомился с Инессой и как на духу открыл ей всю свою подноготную. Узнав дату и время рождения Романова, женщина, что-то сложила, умножила, заглянула в карту звёздного неба и резюмировала: «У вас, Женя, шестая степень невезения».

- Ого. А сколько этих степеней?
- В вашем случае — десять.
- Что же мне теперь делать с этим?

— Да ничего, Женя! Достаточно знать об этом, смириться, покориться судьбе, если хотите. И главное — не заикливаться на этом! Не унывать. Не занижать свою самооценку. Смеяться в лицо неудачам, находить позитив в разных мелочах и радоваться этому! Махните рукой на все эти горести, шестая степень не десятая. Порванные штаны лучше, чем кирпич на голову. Опоздали на самолёт, значит, так и надо было — иначе не долетели бы. Мелкие неудачи предостерегают вас от трагедий и катастроф. Вот в чём смысл! Исходите только из этой формулы, ведь у вас так, а могло быть намного хуже. Вот и радуйтесь этому!

Разговор с магистром многое переменял в сознании Евгения, жить становилось приятнее, радостнее и намного легче. На все неудачи был всегда один ответ — шестая степень. Это очень помогало.

Однажды по служебной необходимости надо было съездить на поезде в Санкт-Петербург. Идя на вокзал, Женя гадал, какой длинной будет перед ним очередь и сколько времени он в ней простоят. На удивление, в кассу никто не стоял. Одно из двух: нет билетов или поезд отменили. Как оказалось — поезд был, всё согласно расписания, и билеты в бюджетный плацкарт тоже имелись. Что-то тут не так, подумал Романов. Значит, вагон будет сразу за тепловозом или место у туалета на верхней полке. Отнюдь, купил билет в десятый вагон «Кишинёв-СПб», нижняя полка, второе купе. Что такое? Это что-то новенькое. Звёзды, что ли, на небе поменялись местами? Евгений терялся в догадках, он просто боялся представить себе, что горький удел постоянных фиаско изменил курс и ему наконец-то начала сопутствовать удача. Воодушевлённый радостной догадкой, он пребывал в приподнятом настроении до того момента, пока к перрону не подошёл поезд.

Его десятый вагон оказался первым за тепловозом, так как нумерация вагонов оказалась с конца железнодорожного состава. Ну что ж, ладно, зато у меня полка нижняя. Пройдя во второе купе вагона, Романов просто обалдел. В купе сидела троица здоровенных молдаван, и были они, мягко говоря —

нетрезвые. Застолье. «Вот я и выспался — первое, что пришло в голову Евгению, шестая степень, что уж тут поделаешь». Тревожный сон вновь напомнил о старухе с мячом, только теперь Женя уже не боялся этого грозного шара, а наоборот, норовил проткнуть его длинным копьём.

Питер встретил Евгения хмуро, лил дождь. Выйдя из здания вокзала, Романов отошел чуть в сторону, к автобусной остановке. Он закрыл глаза и попытался представить себе звёздное небо, падающую звезду, чтобы успеть загадать одно, самое сокровенное желание. Звезда медленно летела вниз, сознание воспринимало шум её падения, как звук шипованной резины автомобиля. Женя открыл глаза, и в этот момент, брызги грязной лужи окатили его с ног до головы.

— Да-а-а-а, от перемены мест слагаемых сумма не изменяется, — вспомнилась школьная заповедь.

«Ну, что ж — шестая степень невезения, пусть хоть так, иначе сбил бы подлец» — скорбно подумал Романов вслед уходящему на скорости «Мерседесу». Он грустно улыбнулся, повернулся в сторону метро и встретился взглядом с пожилой цыганкой.

— Бахталэс, счастливый ты мой, погадать?

— Пустое, мора, я и так всё знаю, — Женя протянул шувани сто рублей.

— Эй, красава, всё да не всё, скажу тебе так, по лицу вижу, глаз на тебе дурной, яму рыли, да черенок гнилой оказался, не надо ничего делать, семь лет скоро, так?

— Не понимаю.

— Потом поймёшь. Тебе что, чёрные кошки дорогу уступают?

— Не-е-е-ет, — улыбнулся Евген.

— Так в чём дело, малохольный? Выкинь дурь из головы, женись!

— В одну ловушку два раза зверя не заманишь, — решил поумничать Евгений и получил в ответ цепь народной мудрости.

— Одной рукой узел не развяжешь. Одна нагадит, другая от беды спасёт. В одиночку не сдвинешь кочку. Одна убавит,

другая прибавит. Новая метла всё выметет и порядок наведёт. Не спорь, а слушай совет мой.

— Так просто?

— Где проще, там ангелов сто, а где мудрено, там ни одного...

Вечером того же дня Женя возвращался на Витебский вокзал. В вагоне метро стоял гвалт. Занятый своими мыслями Романов даже не проявил интереса к источнику беспокойства. В отличие от Москвы в Питерском метрополитене, как правило, спокойно, только иностранцы гомонят во всё горло, выделяясь из общей массы. Внимание Евгена привлекла милая, хрупкая брюнетка. Она увлечённо читала роман Раффаэлло Джованьоли «Спартак». На её лице отражались яркие эмоции сопереживания. Недолго думая, Женя отважился заговорить с красавицей.

— Сочувствуете матроне?

— Почему вы так решили? — ответила вопросом на вопрос девушка.

— Сюжет, как мне помнится, вызывает интерес больше у мужской половины человечества. А единственный женский персонаж — Валерия, жена Суллы. Так что в этом бессмертном произведении может заинтересовать прекрасный пол? Только любовь.

— А вы считаете, что она поступила опрометчиво, выбрав раба? Променив богатство и высокое положение ради любви?

— Женщина всегда была и остаётся загадкой для мужчины. Она даёт жизнь, и, если верить классикам, то лишь женщина делает из мужчины того, о ком она мечтает и хочет видеть рядом с собой.

— Иными словами женщина — творец всего? Выходит, это она сподвигла Спартака на героизм?

И тут Евгена понесло:

— Спартак — это символ борьбы! Отваги! Храбрости и героизма! Лучше мужественная и почётная смерть, чем постыдная и позорная жизнь!

Похоже, девушку очень впечатлил монолог собеседника. Её глаза округлились, а выражение глаз... да именно глаз, было

каким-то странным. Тревожный взгляд девушки блуждал по сторонам и остановился на лице Романова. Девушка застыла в изумлении, прикрыв свои губы книгой. Столько сочувствия было в этом взгляде, не передать. Но откуда появился этот страх? Что могло напугать это милое создание?

Евгений заметил, что сидящие рядом люди тоже внимательно смотрят на него. Будучи в кураже, он даже не заметил, что говорил достаточно громко. В вагоне разом все замолчали, лишь размеренный стук колёс нарушал гнетущую тишину. Но почему? В чём собственно дело? Что не так? Почему все уставились на Евгена?

Из противоположного конца вагона на Романова надвигалась сине-бело-голубая туча. Последнее, что мелькнуло в голове Евгения, была догадка — болельщики, вот откуда в вагоне стоял шум, сегодня на «Петровском» финал кубка России. Слепящий метеоритный дождь, взрываясь разноцветными искрами в голове, замкнул сознание Евгена.

Кошмарная старуха вновь гоняла свой латаный мяч по земле, но теперь она была в бутсах и носила облачение фанатов футбольного клуба «Зенит», а лицо искажала наглая улыбка с редкими зубами во рту.

В больничной палате, где на утро очнулся Евгений, было тихо и светло. Сквозь щелочку копны бинтов, что плотно сидела на голове, Романов смог разглядеть женский силуэт, в белом халате, мирно почивавший на спинке его кровати. Женя немного смог пошевелить телом, настолько, насколько это позволяли сделать хирургические растяжки, он был похож на завёрнутую в кокон мумию, но и малейшего шороха было достаточно, чтобы охранявшая его покой девушка встрепенулась ото сна. В ней он сразу признал прекрасную незнакомку из метро.

— Очнулся! Слава Богу! Живой.

— Как звать тебя, красатуля? — слабо прохрипел больной.

— Валерия, — прозвучал мелодичный ответ.

— В А Л Е Р И Я, степень ты моя сердечная, это точно — судьба!

С той встречи прошло ровно семь лет. Сменился ещё один семеричный цикл жизни. Слова уличной гадалки как будто сняли пелену с глаз. Романов теперь уже с улыбкой, вспоминает курьёзные напасти прошлого. У них с Лерой прекрасная семья, дети, дом, работа.

— Какая, к чёрту, шестая степень? — часто ухохатывается Женя, — дурак я был в кубе... дважды!

11.10.2017г.

По дороге в Новый год

*«Я за околицей столицы
влачу оседлую юдоль,
пятнадцать вёрст до заграницы,
а шанс из грязи — голый ноль»*

По сложившейся уже традиции, на Новый год шёл дождь, который превратил сельские дороги нашего района в настоящую полосу препятствий. Редкий асфальт Туричинского направления, помимо заполненных водой выбоин, сплошь и рядом был усеян ледяными буграми. Передвижение на автомобиле в таких «фронтальных» условиях требует от водителя повышенной осторожности, внимания, терпения и мастерства, а у меня, в салоне казённого такси, разыгрываются настоящие шекспировские страсти...

Часом ранее.

Заступая на смену утром 1 января, я принимал служебную десяточку. Проверил уровень масла и прочих жидкостей в двигателе потрёпанной «старушки» — норма. Записав в путевой лист показания спидометра, в который раз, поразился недооценке отечественного автопрома. Это ж надо, пробег почти 600 000 км. — путь до Луны и обратно, по нашим-то дорогам, 24 часа в сутки, без капитального ремонта двигателя — круто.

— Четвёртый на линии, — объявляю по рации.

И тут же в динамике заголосила диспетчер Лена: «Мальчики, с Новым годом, с прошлого года вас не видела, уже соскучилась. Давайте быстрее на заявочки — я висю».

— Четвёртый, забери девочку с Комсомольской, у магазина МТС до Новохованска.

— Принял, — ответил я, а сам прибавил газу в район «Залиния», надо же напарника, по-быстрому домой доставить с ночной смены. Крутанусь за 3—4 минуты, ничего страшного с девочкой не случится, не морозно нынче.

А буквально через минуту Лена позвонила на мой мобильный и как из пулемёта, преодолевая одышку, залопотала: «Заскочи на ж/д вокзал, центральный вход, там мужчина, ему тоже на Хованщину, я позвонила девушке, договорилась насчёт попутчика. Объяснила, что машин мало, а ей дешевле обойдётся, вдвоём как за один рейс заплатят».

— Ну и прекрасно, — ответил я, — чем больше народа, тем машина устойчивее, а дорога там згиль поганая, будет кому толкать если что.

На радостях доставил сменщика к дому и пулей на вокзал, благо рядом всё. Какая разница, кого забрать первым, никакой.

У парадной ж/д принимаю мужчину подшофе. В руках цветы, торт на верёвочках, сумка. Он мне: «Вы по вызову?»

— Как же вы мне дороги, — отвечаю, — я по заявке!

— Ну, извините, — улыбается, — с Новым годом вас, счастья, здоровья и всего, всего!

— Взаимно, устраивайтесь на заднее сиденье, а место штурмана уступим девушке, она ведь первой заказ оформила.

— Да, да, мне ваш диспетчер всё объяснила. Повезло мне, новый год начинается с приятностей, в первый же день скидка на дорогу. Это всё потому, что этот год мой, я родился в год «Собаки»! Поехали быстрее, дома любимая заждалась.

Выезжая на Комсомольскую улицу, мы уже издалека заметили одинокую фигуру девушки. Она курила сигарету, переминаясь с ноги на ногу, и щебетала с кем-то по телефону.

— Не понял, — воскликнул пассажир, — это вот эту девушку мы забираем?

— А других здесь нет, — ответил я.

Когда молодая особа устроилась на переднем сиденье и подобрала полы своей шубы, чтобы закрыть дверь, пассажир вновь подал голос: «Ну, здравствуйте, девушка».

Женщина сделала пол-оборота головы влево и боковым зрением скользнула по говорящему. Выдержав короткую паузу, она вернула голову прямо. Никаких эмоций на лице, лишь обречённое: «Поехали».

Какое-то недоброе чувство засвербило у меня в груди, похоже, молодые люди знакомы и очень даже близко.

Выезжая из города, я услышал за спиной характерные щелчки откупоривания спиртного. Пассажир сидевший сзади, беспардонно сделал несколько глотков коньяка из горлышка.

— Мужчина, вы там аккуратнее со спиртным, — сделал я замечание, — запах долго выветривается, а если прольёте — вообще беда, на химчистку времени да и денег нет, зато пассажиров поток — один за другим. Вряд ли кому понравится вкушать пары вашего алкоголя.

— Не переживай, уважаемый, всё будет оплачено по полной и даже более того.

Хотелось бы верить, подумал я, а у самого на душе стремительно росла антипатия к этому молодому человеку. Ну, ненавижу, когда совершенно незнакомый мне мужик, не церемонясь, переходит на «Ты», да к тому же он намного моложе меня. Что за воспитание?

— Так, где ты была, Верочка? Ты же сказала, что к Юльке пойдешь?

— У Юльки и была, Веня.

— Так Юлькин дом не на Комсомольской. Я что, по-твоему, не знаю где твоя подруга живёт?

— Ну и что? Мы зашли в гости к общей подруге.

— Ну, ну... дома поговорим.

Вот попадалово, думаю про себя, это ж надо, первый рейс — и на тебе. За что мне всё это? Он не успокоится. Сейчас «причаститься» ещё коньячком и начнёт в Отелло играть. Ну, Лена, придушить тебя мало, какого чёрта ты про их экономию думала.

А тем временем Вера достала миниатюрную косметичку и невозмутимо что-то поправляла у глаз маленькой кисточкой, украдкой поглядывая на Веню в зеркало.

— Что ты там красуешься? — выпалил Вениамин после очередного глотка, — погоди, приедем домой, я тебе тени наведу.

— Боже, убавь красоту, — съязвила в зеркальце Вера, — а то мы такие нервные становимся, ревность себе позволяем направо-налево. А сам то где был, Веня?

— А то ты не знаешь, что меня в главк мясокомбината за назначением отправили.

— Это ты, Венечка, своей маме рассказывать будешь, я что не знаю, что всё ваше начальство в Великих Луках расположено, при чём тут Питер?

— Да ты в своём уме? Что ты мне тут мелешь? В Питере головной офис комбината, а в Луках руководство свиноферм.

— Да ты что? Так ты теперь не на ферме работать будешь?

— На ферме, но начальник производства должен быть лично представлен руководству главка.

— Да, да, да. И это должно произойти именно в ночь с 31 декабря на 1 января!

— Да ты что тут собачишься, Вера, просто билетов не было.

— Нет, Веня, это ты у нас «Собака», это твой год, значит тебе и собачиться. И хватит лакать в одно рыло, я тоже коньячку хочу, дай сюда бутылку.

— Да на, залейся, — пробурчал Веня, — чтоб не мучили прыщи, пей коньяк и кушай щи.

Приплыли, подумалось мне, два сапога — пара, точно. Надо открывать окна, все стёкла уже запотели, а ехать мне с ними по этим колдобинам ещё пятнадцать километров. Первая, вторая и очень редко третья скорость. Когда же это закончится? Поскорей бы.

Пригубив из бутылки бурую жидкость, Вера тихо выдохнула, но не вернула бутылку Вениамину, а терпеливо стала ждать удобного момента для следующего глотка, так как машина прыгала с кочки на кочку и выпивать было, мягко говоря, неудобно.

— Как же меня достал этот колхоз! — закричала Вера. — Я четыре года в этой глуши, зачем я сюда приехала. Кругом грязь,

захолустье, убожество, а люди... Господи, неисправимая провинция. А отдыхают как? Не умеют! Зачем я ездила с тобой на ваш корпоратив? Ты же мне обещал пару часов, и всё, домой. А на самом деле? Собрались, понимаешь ли, своей бригадой, операторы свинокомплекса. Все расфуфыренные такие, а сами не видят, что от них так и прёт своими подопечными. Только пьют и жрут, пьют и жрут, как дауны хватают без памяти, лишь бы рот свой набить. Я вон поклевала салатика чуть-чуть вилочкой, и всё. Мы даже деньги, что сдавали на корпоратив, не проели. А женщины — не женщины а бабы какие-то, все жирные такие, за собой не следят вообще. Вот Люська ваша, покрасила губы чёрной помадой и думает, что сразу модницей сделалась. Тьфу ты. Люди получают почти сорок тысяч зарплату, аханьки, Боженька их поцеловал, жар-птицу словили в своей дыре. Одеться не могут прилично. Понабрали кредитов на машины да айфоны, а в рваньё ходят, да «бомжей» на обед хомячат. Ты вот вспомни, Веня, кто из жён в норковой шубе был? Только двое, я и ваша бухгалтер Жанночка. Противно. А ведь я им всем улыбаться должна, а как же, мой ведь муж заместитель, а теперь начальником поставили. Какой ты начальник, Веня? Ты до сих пор к Пашке-сдыхлику за катаной водкой бегаешь, а потом только рот корытом, пьёшь вместе с ним до потумелья.

— А сама ты что, Верочка, — парировал Вениамин, — норковую шубу в дождь надела?

— Да, Веня, да, потому мне и тошно, что я в вас превращаюсь, не зря ведь люди говорят: «С кем поведёшься, от того и наберёшься».

— Так, шеф, — обратился ко мне Веня, — меняем маршрут, поедem в деревню Половики, надо родителей с Новым годом поздравить.

Сворачивая с большака на лесную дорогу, встречаем гусеничный Т-75. Полупьяный тракторист, пребывающий в нирване, меланхолично покуривал в кабине трактора. Глядя на испаханную лесовозами дорогу, останавливаюсь, и обращаюсь к нему: «Здорово, батя, мы здесь проедem?».

На лице механизатора родилась ироничная ухмылка. Пауза раздумья, и после очередной глубокой затяжки невозмутимый ответ: «Ня знаю, робяты... я тут езжу».

— Кто бы сомневался, — резюмирую вслух, а мои пассажиры дружно прыснули истеричным хохотом, — Приехали!

С чувством глубокого облегчения я стоял и курил возле машины, провожая взглядом уходивший в лесную чащу трактор, из-под двери которого торчала прижатая пола норковой шубы.

11.01.2018г.

Чаворо

(миниатюра)

Эту историю я услышал с пересказом от третьего лица. Дело было в 60-х годах прошлого века. На окраине города Н., в жалкой лачуге, которую домом назвать не поворачивается язык, жила многодетная цыганская семья. Жили они очень бедно. Дети бегали круглый год в лохмотьях, босиком, голодные и чумазые. Побирались. И вот однажды к ним, приехали богатые родственники, на лошадях. Привезли гостинцев, одежду и разную утварь. Сидели в доме, гуляли, пели песни. В какой-то момент из хаты выбежал малыш и засеменял, голыми ногами, по грязи, к лошади, что мирно стояла, на привязи, у калитки. Казалось, он первый раз в жизни увидел это прекрасное животное. Конь для цыгана — существо, сродни божественного начала. Мальчик стоял у лошади и восхищенно смотрел на неё. Потом вытянул из-за пазухи коржик и разломал его пополам, чтобы угостить гнедую. Но половинки оказались неравными, в одной руке он держал большую часть коржа, а в другой маленькую. Чаворо стоял в замешательстве, что отдать? Этот босой цыганёнок, голый, нищий, первый раз в своей жизни имеет такую сладость, по тем временам настоящее сокровище. Что отдать? Какой частью поделиться? Он встал перед сложным выбором. Назовите это как угодно, струны души, совесть, момент истины.

И вот — кульминация, малыш тянет в рот маленький кусочек лакомства, а большой робко протягивает лошади.

Этот пример самопожертвования запал мне глубоко в душу и заставил о многом задуматься. Ребёнок, безгрешное создание, настоящий ангелочек. Неважно кто он, чей или какой национальности. Откуда у него это? Возможно, наглядный пример родителей или эта жертвенность заложена в детях

с момента рождения, а уже потом, мы становимся такими, какие мы есть на самом деле, обрастаем грехами, черствеем и прочее. Не знаю как вы, а я не уверен, что смог бы так поступить.

08.03.2020г.

Нарочно не придумаешь

По улицам маленького, провинциального городка разъезжал, расписанный рекламой заезжего цирка, автомобиль. Из динамиков, установленных на крыше авто, гремел сухой, размеренный речитатив: «Внимание, внимание! Только два дня в вашем городе выступает „Цирк шапито“! Под куполом цирка вы увидите фееричное выступление наших акробатов, диких животных, атлетов. Ваше воображение поразят наши каскадёры, гонки по вертикали, магические номера иллюзионистов и супер-дуэт наших клоунов!»

— Вот чимбалдосы, — усмехнулся Сеня, — если бы они только знали, сколько у нас своих клоунов имеется, то нервно курили бы в сторонке.

Тираду Сани Сенькова, по прозвищу — Сеня, мужики встретили дружным хохотом. Они как обычно, собрались в кружок на стоянке такси, у памятника первому коменданту города. Курили в перерывах между заявками, обсуждали последние новости. У каждого из них за плечами тысячи километров работы в такси. А уж комичных историй из жизни, да хохмы с пассажирами, хватит на всю «Большую советскую энциклопедию».

— Да, Саня, это точно подмечено! Нашли чем удивить, — продолжил Коля Усик, у меня вчера опять клоунада была. Под вечер, получаю заявочку на улицу Гвардейскую. Подъехал, жду. Выходит голый мужик, только полотенце, как фиговый листочек повязано. Потихоньку так, аккуратно, чтоб без скрипа, закрывает калитку и крадучись, на цыпочках, ко мне в машину.

— Поехали, — говорит заговорщицки, — побыстрее, тут недалеко.

Отъезжаем метров триста, к другому дому по этой же улице. Дверь уже открыта, а из проёма выглядывает женщина в халате, тапочки на ногах и бигуди на голове. Он выпрыгивает и шепотом мне: «Жди, я скоро».

Я не буду вам рассказывать какие бесы крутились в моей голове, а только минут через пять мужик вышел. Довольный такой, сияющий как новый пятак и главное, локтём занюхивает. Потом вытер ладонью губы, нырнул в салон, у меня аж стёкла запотели от его «свежака», и вальяжно так, рукой от груди, командует: «Домой». Оказывается ему дома выпить не разрешают, так он баню истопил, а пока жена моется, махнул к соседке за чекушкой, и в два захода осушил её.

— Мужики, о соседке! — продолжил Василий. Я тут Курилиху подвозил, мы живём через пару домов друг от друга. Девка просто огонь! А фигура... ну всё при ней! Вот только с мозгами промашка вышла, ежики там клопов гоняют частенько. Так вот, садится она ко мне в машину, важная такая, как королева Британии. Ну, прям лестницу подставляй, чтобы пупок поцеловать. Едем не спеша по колдобинам дороги и она, как будто мы совершенно не знакомы, начинает со мной беседу.

— Молодой человек, будьте так любезны, подскажите, во сколько мне обойдётся турне на вашем «лимузине» к стенам районной поликлиники?

Оба-на, думаю, погнали ветры паруса, поиграть захотела девонька, ну что ж извольте, я готов.

— Сущие пустяки, мадам, сто рублей, если мы будем продолжать движение по этой улице. Ну, а если по асфальтированной дороге в объезд этих нерукотворных ям, то сто двадцать целковых.

— Скажите любезный, а вы мелочь принимаете?

— Ну, конечно, мадмуазель. Мелкая монета всегда ценится, на сдачу например. Это ведь то же деньги! А копейка, как говорил Никита Сергеевич Хрущёв, рубль бережёт!

— Вы совершенно правы, сударь, но я дополню ваши познания в области экономики. Она не только рубль бережёт, а также два, три, сто и даже тысячу!

— О да, сеньорита! Спасибо вам за столь поучительные сведения, они восполнили пробелы в моём посредственном образовании.

— Не стоит благодарности, любезный. Кто не жадный, тот богатым никогда не будет.

Подъезжаем к земской больнице и я, не скрывая вздоха облегчения, ей говорю:

— Сударыня, наше путешествие подошло к своему логическому завершению, с вас сто рублей.

Я уже приготовился получить горсть мелочи и собирался демонстративно, не считая копейки, отправить их в карман пиджака. Но тут, Курилиха протягивает мне пятитысячную купюру...

— Вот сссс..., — чуть было не сорвалось у меня с языка, я ведь только начал смену, даже бензил ещё не отбил.

А Курилиха ликует, в глазах светится победоносный триумф над «плебеем». Я суматошно пытаюсь найти выход из положения, шучу: «Без сдачи?»

— Не в этот раз.

— Ну, а как же «Кто не жадный...?»

— No comment

И тут, входящий звонок на мой мобильный. Звонит Геша — напарник и говорит: «Василь, я там в бардачке оставил тебе деньги на зимнюю резину. Две покрышки с меня, две с тебя».

— Есть Бог на свете! — достаю пачку денег и начинаю отсчитывать сдачу, специально выбираю самые мелкие купюры, по пятьдесят и сто рублей. Так у Курилихи тремор лицевых мышц начался, побагровела вся от злости. Я даже дверцу придерживал, когда она выходила, чтоб не хлопнула напоследок.

— Даааа женщины, — засмеялся Лёха, — я тут вёз одну подвыпившую, так она у меня на заднем сиденье раздеваться стала. Сняла плащ, кофту, туфли, в общем всё до лифчика, свернула аккуратно и под голову себе. Укладывается спать. Я сразу и не понял, что к чему, а когда она улеглась уже не знал, что делать.

Вот так и едем.

Вдруг она заговорила жалобным голосом: «Толя, дай мне водички пожалуйста и... тазик».

— Я Лёша, женщина, вы в такси едете.

Ой, что тут началось! Я даже в армии не видел, чтоб так быстро одевались.

А ещё был случай, приезжаю на улицу Черных, выходит дама бальзаковского возраста, прическа — «взрыв на кукурузной фабрике», фингал под глазом, руки трясутся.

Она мне: «Мил человек, я сегодня не в форме, привези мне две полторашки крепкого пива».

— Так это уже доставка будет, значит в двойном размере.

— Да мне без разницы, вот осталась последняя тысяча рублей. Я первую пенсию получила. Отмечали вчера с друзьями. Люди говорят: «Первую пенсию надо пропить, тогда обязательно прибавят. Примета есть такая».

— Ну, понятное дело, — подал голос Геша, — развели бабулю алкаши собутыльники, злая «синька» нынче производится. Народ дурнеет на глазах. Вот был у меня случай:

Приезжаю, как-то, на Подгорную, выходит из дома мужик, присаживается в машину, поворачивается ко мне, смотрит прямо в глаза и говорит:

— Ну? И где моя жена?

Я чуть в ступор не впал от такого начала.

— Это ты у меня спрашиваешь? Так я тебе не ведущий программы «Что? Где? Когда?»

Ну, да ладно, слово за слово, поехали искать. Сначала к родителям жены, потом к его родителям, затем к подруге. В общем накатали приличную сумму, а результата ноль. Что делать? Поехали по значным местам. Останавливаемся у пивного бара.

— Так, шеф, сейчас «пивка для рывка» и домой поедем.

— Смотри сам, ожидание пять рублей минута.

И тут заголосила ламбада на мобильном телефоне пассажира. Из динамика был слышен детский голос: «Папа, ну ты где? Мы с мамой уже заждались тебя дома».

— А где мама была?

— Она в бане заснула, когда ты помылся и пошёл ужинать.

Ну, а чем он ужинал вам понятно без лишних подробностей...

— А, что ты молчишь, Сеня? — спросил у товарища Геша, все знали, что Санька настоящий работяга, душа компании, может неделями по пятнадцать часов вкалывать. Может не пить водку пол-года, но уж если запьёт, то неделя за свой счёт минимум, а то и две.

— Ночью дело было, — начал историю Саня, — еду по Маметовой, «темнота хоть глаз коли», ни одного фонаря. Заявка по нечётной стороне. Съехал влево и еду потихоньку, всматриваюсь в номера домов. А навстречу мне тоже фары едут, также медленно ползут. Ну, едем и едем. Остаётся метров пять и на тебе, маячки замигали, ДПС.

— Инспектор Орешкин, предъявите ваши документы.

Подаю ему права, путёвку и т.д., а он мне: «Аргументируйте своё движение по крайней левой полосе?»

Стою, переминаюсь с ноги на ногу, понимаю, что виноват, начинаю оправдываться.

— Слушай, командир, дом по заявке нечётный, темно, не видно ничего, да ещё не везде таблички висят. Вот и еду потихому, подсвечиваю фарами, ищу.

И в этот момент, откуда то из под кустов раздаётся нецензурная брань, кляня «на чём свет стоит» коммунальные службы, выползает пьяное в хлам тело, а за ним ещё пара обмороков.

— Ааааа, шеф, спасибо, что подсветил дорогу, зги даже не видно. Ох ты, пацаны, мы с эскортом что ли поедем? Вот это уважуха! Респект вам мужики!

И без лишних церемоний гоп-компания падает в такси.

Инспектор не отрываясь от моих бумаг, еле сдерживает смех и произносит: «Убедительно, Александр Иванович, счастливого пути!»

В это время, на стоянку такси завернул экипаж ГИБДД. Кто-то произнёс: «Принесла нелёгкая». Инспектор ДПС подошёл

к таксистам и сказал: «Мужики, надо на освидетельствование двое понятых, мы пьяного водителя задержали». Понимая, что пьяный на дороге несёт смертельную опасность всем участникам дорожного движения, мужики отрядили с экипажем гайцов меня и Сеню.

В районном отделе ГИБДД стояла тишина. Рабочий день давно закончился, близилась полночь. В кабинете кроме нас было трое: два инспектора и нарушитель ПДД. Задержанный выглядел довольно спокойным, новомодная интеллигентная небритость на лице, опрятный внешний вид. На первый взгляд и не скажешь, что перед тобой нетрезвый человек. Его выдавали только осоловевшие, мутные глаза и невнятная речь. Заполнив все необходимые, для этой процедуры, бумаги. Инспектор открыл чёрный ящик, похожий на школьный дипломат. В нём были какие-то датчики, провода, электронная шкала приборов, пластмассовые трубки. Виновнику предложили продуть в штатный алкотестер. И тут, подозреваемый мужчина просит последнее слово.

— Послушайте, господа, я всё понимаю, осознаю, признаю и т. д. Я подпишу ваши протоколы, без всякой экспертизы, только ответьте мне, как вы поняли, что я еду пьяный за рулём? Я ведь был пристёгнут ремнём безопасности, ехал с ближним светом, сорок километров в час, ничего не нарушал, никому не мешал. Как вы меня вычислили?

— Элементарно, уважаемый, — произнёс инспектор, — вы просто ехали по встречной полосе.

Мы с Саней переглянулись и поняли друг друга без лишних слов — это ещё одна история в нашу копилку.

03.11.2018г.

Коллаборант

*«Нет, ребята, вы не русские...»
Филимон Селиванов (М. Евдокимов)
из к/ф «Не валяй дурака...»*

Эта история произошла со мной несколько лет назад, когда между Москвой и Ригой ещё действовало ежедневное пассажирское железнодорожное сообщение. В тот вечер я возвращался домой из Первопрестольной в плацкартном вагоне скорого поезда, который уже заменил экологически чистый электровоз на привычный дизельный локомотив, и покидал Волоколамск. Расположившись удобнее на нижней полке основного отсека, я читал распечатанную копию подшивки газеты «Полоцкие епархиальные ведомости» за 1907 год. Слева от меня расположился дуэт молодых людей, которые украдкой выпивали подобие шотландского виски и вели диалог на политическую тему. Напротив нас на боковых полках ютилась семейная пара из Латвии. Представителям прибалтийского государства явно не нравился циничный разговор парней об их родине, да и Западе в целом. Они отказались выпить с ними за вечную дружбу и Советскую Латвию, чем накликali ещё более оголтелую речь в сторону иноземцев.

Андрей и Евгений, так звали этих молодых парней, упоённые безнаказанным словоблудием попытались найти одобрение линии своего поведения у меня, но я также отказался с ними выпить, сославшись на то, что изучаю редкий исторический материал, суть которого, без сомнений, была бы интересна и для них тоже.

Заинтригованная таким поворотом молодёжь попросила меня удовлетворить их любопытство и познакомить с содержанием документа.

— Ну, что ж, — ответил я, — извольте.

Я уже знал, что буду им читать. Честно признаюсь, меня самого поразила статья Онуфрия Шостака опубликованная в № 27 указанного выше издания. Поднятая автором тема далеко не праздная и актуальна даже в настоящее время, спустя более чем столетие, после описываемых им событий:

«Вагоны третьего класса всегда переполнены народом. Не найдя свободного места, я попросил одного крестьянина, расположившегося со своим скарбом на всей скамье, убрать свои вещи и дать мне возможность присесть. Этот крестьянин в грубой форме заявил, что он едет с артелью в Америку, и ему нужен некоторый простор и советует мне перейти в вагон 1-го класса, так как священнику неприлично ехать с простолюдинами, которые не стесняются в выражениях и курят махорку. Я ответил этому крестьянину, что я сельский священник, что мои прихожане это крестьяне, а, следовательно, моё место быть с ними всегда и везде, даже в таком вагоне. Незнакомец приутих и освободил для меня достаточное пространство. Я спросил его, зачем он едет в Америку. На что тот лаконически ответил: «в России жить тесно» и, обратившись затем к своим товарищам, затеял циничный, грубый и вызывающий разговор. Поезд тронулся. Колесный шум заглушил звуки отдельных разговоров, и как будто всё успокоилось, только мои соседи — крестьяне Владимирской губернии продолжали неестественно громко хохотать, свободно размахивать руками, обращая на себя общее внимание. Но... в следующем отделении вагона раздались звуки религиозного пения. Робкие женские голоса постепенно становились смелее, к ним присоединились мужчины, и весь вагон притих. Даже дерзкие Владимирские крестьяне прекратили свой разговор и как будто приуныли. Невольно пришлось обратить внимание на певцов, которые в благоговейном настроении, держа перед собой книгу, пели какие-то религиозные песни на немецком

языке. Кто они? Штундисты, баптисты или лютеране — судить не могу, но вижу, что настроение певцов подчиняет себе всех окружающих. Здесь попросту не стало места пустым и непристойным разговорам, не понимая смысла песен, все поняли, что с этими мотивами ум и сердце возносятся к Богу.

Обратившись к своему соседу с левой стороны — немцу, державшему на руках младенца, я поинтересовался, откуда и куда они следуют? Тот в вежливой форме объяснил мне, что они немцы-колонисты из Самарской губернии, по приглашению родственников проживающих в Америке, составили из себя рабочую артель и едут туда на работы, которые им будут указаны нанимателем. Проезд и содержание артели до Америки, где они обязаны прожить три года, оплачены нанимателем. Другая артель — русская, из крестьян Владимирской губернии, следует в Америку по приглашению специально прибывшего за ними агента на тех же условиях, но по найму в отдельности каждого лица, без ответственности одного за другого. Более подробных сведений я узнать не успел, так как поезд приближался к станции моего следования.

Впечатление от получасовой поездки по железной дороге, дало пищу для дальнейших размышлений на время моего пути до места жительства. Я пытался объяснить себе причину такого чудовищного различия обращения крестьянина и немца. Один и другой — чернорабочие, но первый груб, дерзок и невежествен, а другой вежлив, деликатен, услужлив. Один находит развлечение в циничных разговорах, непристойных шутках и неприлично громком смехе, а другой — в пении религиозных текстов. Наши женщины умеют горланить свои — до расстройства души крикливые песни, а эти весьма стройно поют псалмы и гимны...»

Закончив на этом месте повествование сельского пастыря, я замолчал и отвернулся к окну, но перед этим успел обратить внимание, как изменились лица весёлой компании. Нет, они не поумнели, не притихли. Молодёжь была готова взорваться на дикий ор. В их глазах кипело возмущение или даже горькая обида на то, что их пристыдили в присутствии иностранцев.

Пауза затянулась. Первым подал голос Андрей:

— Жека, по пятьдесят, — и подвинул свой стакан другу.

Закусив солёным арахисом, Андрей обратился ко мне:

— Дядя, а ты русский?

— Конечно, и, насколько мне известно — православный в седьмом колене, парировал я.

— «Власовцы» тоже были православными, — отозвался Евгений.

Мне показалось, что в вагон ударила молния! Я просто опешил от такой смысловой параллели! Парни точно намеревались обострить ситуацию донельзя.

— Это вы о чём, молодые люди? — я отложил книгу в сторону, переместился в положение сидя и слегка подтянул рукава джемпера.

— Да, похоже, ты не патриот, а коллаборант какой-то, — продолжал Жека.

— Вы даже такие слова знаете, молодой человек? Удивлён. Честное слово. Хотя подозреваю, что его понятие вам не известно. Так, в чём ваш патриотизм проявляется?

— А, что ты нам немцев в пример ставишь?

— Причём тут немцы? Причём? Что ж вы на зеркало пеняете?

— Это немцы зеркало? — не унимался Евгений.

— Нет, «дорогой»! Это вы зеркало! Причём настоящее, и даже не кривое.

— Нет, мужик, ты точно не русский, — негромко произнёс Андрей. — Отстань от него, Жека, он нас всё равно не поймёт.

Посчитав, что ответный мяч достиг сетки ворот противника, и тем самым патриоты сохранили лицо, дуэт угомонился, уткнувшись в экраны заморских смартфонов. Я же, наоборот — клокотал изнутри до предела. В душе проснулось крайнее негодование от того, что молодёжь нашла себе палочку вырубалочку в виде псевдо патриотизма. Подобная тактика уже успешно опробована и действует в Украине. Там выросли целые поколения на ненависти к России. А что дальше? Война, кровь, истребление? Кто-нибудь вообще считал, сколько за всю

мировую историю было войн? Сколько погибло людей в этих конфликтах и за что? Почему за тысячи лет существования земли мы так и не научились жить в мире? С какой целью в неокрепшие умы подрастающего поколения втирается вражда к иноплеменникам, причём теми людьми, которые ни при каких обстоятельствах воевать не пойдут?

Да потому что времена меняются, а люди нет!

С этой мыслью я достал из баула бутылку столичной и под изумлённые глаза парней приложился к ней прямо из горлышка. Огненная злодейка сбила языки душевного пламени и успокоила нервы.

— Ну, что, молодые люди, предлагаю перейти к более продуктивной политинформации и начать с предпосылок зарождения на Руси крепостного права...

22.05.2021г.

Бесы пляшут только в пост

С самого начала день складывался крайне неудачно, причём, как выяснилось позже, не только у меня одного.

Конец осени, обыкновенное утро, ничем не примечательное от другого дня. Только подморозило покрепче, на градуснике -11 по Цельсию. «Михайлов день» отмечали неделю назад, поэтому выпавший накануне снег уже не растает — народная примета, здесь уже не поспоришь. Двигатель отечественной «Фабулы» напрочь отказывался заводиться. И для того, чтобы он затарахтел мне пришлось использовать чёртову дюжину «трёхэтажных заклинаний старославянского наречия». Достав из кармана куртки мобильный я набрал базовый номер диспетчера, после третьего гудка ответил Сергей: «Такси, здравствуйте».

— С добрым утром, Гуня, я на линии.

— Утро добрым не бывает.

— Да брось ты, мы сами себе настроение строим, как начнём, так и покатит, — засмеялся я в телефон.

— Вот именно, как начнёшь. Я вышел машину завести, полез за щёткой в багажник, чтобы снег убрать, а дверцы после вчерашней мойки примёрзли, легонько потянул за накладку и всё отвалилось. Теперь машину не нагреть, выдувает сквозь дырки от декорации. Так что я с утра уже в минусе, причём с тремя нулями.

— Переживём, Гуня, не деньги нас делают, а мы их. Давай до связи, я на стоянку.

Первую заявку пришлось ждать больше часа и возвращаясь к месту стоянки я решил подвезти женщину, фигура которой

одинокое маячила на автобусной остановке.

— Женщина, по цене билета до автобусной поедете?

— Мне в поликлинику надо, — услышал я в ответ.

Поликлиника это круг в километр, ну да ладно, добрые дела наполовину не делаются.

— Присаживайтесь, подвезу.

Устроившись поудобнее, на месте штурмана, женщина поправила марлевую повязку, которая сползла ей на глаза и залепетала.

— Представляете, выхожу утром во двор, собака лает неугомонно, гляжу а в сетках, что мой мужик выставил проветриваться после рыбалки, дикая утка запуталась. Как она туда попала, ума не приложу. И кот мой, тут как тут, добычу почуял, ходит вокруг, а как подобраться не знает. Ну вот, бьётся она бедная, верещит, а лапки пуще прежнего путаются. Решила я освободить крикушу. А там чирок, махонький такой, жалкий. У меня аж сердце сжалось от сострадания. Позвала мужика, говорю распутывай давай, а я подержу. Взяла её аккуратно, крылышки сложила, держу, она даже шейку поджала и замерла у меня в руках, трясётся вся. Я ей приговариваю: «Не бойся малышка, сейчас мы тебя высвободим, отпустим на волю, полетишь ты к своей матушке. Ути-ути-ути. Ути-ути-утюшка». А она мне прямо в лоб, как саданёт клювом, зараза такая! У меня аж искры из глаз посыпались! Слышу потекло тёпленькое по лицу. Понимаю, что кровь, да как заору мужику: «Держи эту скотину неблагодарную, не распутывай её, я этой поганке сейчас голову отверну!»

Вот и делай после этого добрые дела. Теперь в больницу еду, эта ж стерва лоб так рассадила, что швы надо накладывать.

— Птичку жалко, — вспомнил я слова Шурика из «Кавказской пленницы».

— Да ничего с ней не стало. Отпустили мы её на волю, это я так, в гневе минутном, — мы дружно расхохотались.

Двигаясь от «больничного городка» на стоянку, я ехал за дорожно-уборочной машиной, что посыпала песком дорогу. Может я слишком близко шёл за ней или действительно

«не делай добро, не получишь зло», но вылетевший из разбрасывателя камень разбил мне фару.

Ну что ж: «Спасибо, что взял деньгами», — поблагодарил я Всевышнего.

«Дальше-больше», на экране смартфона высветился незнакомый номер звонящего, я поднял трубку. Звонила супруга, удручённый голос которой вопиял: «Телефон сломался, взяла трубку у соседки, чтобы тебе позвонить, молоко в холодильнике прокисло, ребёнок кричит, никак не успокоить, купи смесь в аптеке».

— Сейчас приеду, — ответил я и чуть больше прибавил газу автомобилю.

Купив всё необходимое, скоренько поднимаюсь по лестничному маршу. На площадке стоит соседка у двери своей квартиры и причитает: «Сходила называется за хлебушком, дверь, как всегда, на защелку закрыла, а замок заклинило, в дом теперь не попасть. Что делать-то?»

— Сейчас, тётя Рая, помогу, только домой забегу на минутку.

В прихожей расстроенная жена: «Дорогой, сегодня филиповки начались, первый день Рождественского поста, всё не так как надо, сразу скопом навалилось, словно бесы воду мутят».

— Да, чтоб им искушение вечное было, не переживай, справимся. Ты у тёти Раи телефон брала?

— Да.

— Понятно.

Воодушевлённый найденным ответом, на все свалившиеся неприятности, спускаюсь этажом ниже к ожидающей помощи соседке. При помощи топора и стамески отжимаю входную дверь на радость старушке. Но замок ей всё равно придётся заменить, так что получается ущерб с тремя нулями и у неё. Для наших стариков это проблема. У нас ведь социальное государство, которое всячески поддерживает пенсионеров, заботится, чтоб часом не переели чего, не страдали бы от ожирения. Потому и пенсии такие маленькие. Как говорит один мой знакомый: «Начальству в тухес видней, чем мне

в бинокль». Ну, да и бог с ними, всем рано или поздно воздастся.

Новая заявка: забрать людей от хозяйственного до деревни Укрытно. Забираю супругов и стартуем от магазина к выезду из города. Лица у четы угрюмые, мужчина первым начинает разговор:

— Шеф, ты нас сможешь туда за полную стоимость, пару минут подождать и назад в город к этому магазину, но за полцены?

— Ну, а почему бы нет, конечно довезу.

— Понимаешь, просто день не задался, приехали в город за покупками, а деньги дома забыли, что за напасть?

Я усмехнулся и говорю: «Не печальтесь, не у вас одних неприятности. Многие жалуются. Сегодня первый день Рождественского поста, вот бесы и пляшут, вводят людей в искушение».

— Да, ладно, какой пост может быть? Сегодня утром батюшка молоко у нас брал.

— Так может он не себе покупал, а детям, — подхватила беседу супруга.

— Неужто взаправду? А я то думаю, что не так. Прямо сразу после полуночи понеслась нелёгкая. Решил воды коровам набрать, а воды нет. Думал водопровод где-то прихватило морозом. Пошёл проверить. Оказывается насос не работает, тока нет, возможно пробило где-нибудь. А кабель метров пятьдесят длиной, у меня нет такой аппаратуры, чтобы его весь прозвонить. Вот и поехали с утра в магазин, чтобы не мучится, решили купить новый. Приехали и на тебе, деньги дома забыли. Одни убытки.

И здесь ущерб с нулями подумалось мне. Правду люди говорят: «Где тонко — там и рвётся».

И вот, к вечерней службе в храме святого Целителя Пантелеймона везу батюшку, отца Сергия. Надо заметить, что когда он усаживался в машину, то прищемил дверью подрясник и испачкал его.

— Вот незадача, — произнёс священник.

Я улыбнулся: «Да, батюшка, похоже и вас бесы в пост атакуют».

— Спаси вас Господи, мы такие же люди, как и все на этом свете. А бесы, бесы всегда на блазнь склоняют и не только в пост. Просто в пост верующие люди ещё больше трудятся над собой, тем самым укрепляя свой дух и нашу веру. А тёмные силы всячески пытаются сбить человека с истинного пути и пополнить ряды грешников.

— Так что получается, батюшка, если в пост поддашься искушению, значит бесы больше очков заработают для своего хозяина?

— Можно и так сказать, — ответил священник, — а вы знаете, что этот пост раньше по другому назывался? Филиппов пост. В честь третьего, из первых двенадцати, апостолов Христа. И вот почему: Во Фригийском Иераполе, где-то в Малой Азии, апостола Филиппа арестовали и казнили, распяв на крепостной стене. Правда, руки и ноги ему не пробили гвоздями, а привязали верёвками к кольцам, и в таком состоянии он висел неделю. Перед кончиной он не выдержал и взмолился: «Боже Саваоф! Покарай моих палачей!»

Его молитва была исполнена. Город провалился в преисподнюю вместе с палачами Филиппа.

Когда же Филипп пришёл к воротам рая, то Христос не пустил его. А Филипп спрашивает: «Господи, почему, я же твой апостол, твой ученик», — а Христос говорит: «Ты не мой ученик. Что я говорил своим ученикам? „Молитесь за обидящих вас!“ — а ты желал зла своим палачам, пошел прочь отсюда».

Тогда душа Филиппа является остальным, еще живым, апостолам и умоляет их: «Упросите Христа простить мою слабость!»

И апостолы решили поддержать собрата и налагают на себя молитву и пост, и после сорока дней их поста Христос переменяет свое решение, прощает Филиппа и пускает его в рай.

— Что-то я не слышал такой истории. Это что получается, на небесах тоже «по блату» можно?

— Это апокриф, версия Анастасия Библиотекаря, который в IX веке служил спичрайтером и библиотекарем при папе римском, ещё до раскола церкви. Кстати, он был другом наших святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Но пост — это дорога, и называться он должен по конечной цели пути. К примеру: Успенский пост, ведёт к Успению, Апостольский пост, ведёт к дню апостолов Петра и Павла. Поэтому и Филиппов пост переименовали в Рождественский, потому как он ведёт к Рождеству. А в память о Филиппе осталось народное — «филипки», так как пост начинается сразу же после дня его памяти.

— Так значит бесы пляшут на «филипки», батюшка? Им ведь удалось самого апостола сбить с толку.

— Нет, неправильно. Бесы пляшут только тогда, когда человек сдаётся и позволяет им управлять собой. А если мы боремся, работаем над собой, то не всё для нас потеряно и Господь обязательно протянет нам руку помощи. Ведь спасение души совершается между страхом и надеждой.

Возвращаясь от храма на стоянку, в приподнятом настроении, я понимал — «а ларчик просто открывается».

Апокриф — писание о житие святых, не признанное на официальном уровне церковью, как учение, но многое объясняет. Я вижу вокруг себя суровые лица и мне хочется кричать: «Люди, стряхните хмурь, это всё происки бесов, не поддавайтесь им. Уныние — смертный грех. Радуйтесь жизни, вопреки всем горестям и неудачам, будьте счастливы!»

12.12.2018г

Круговорот желаний

Однажды я зашёл в гости к другу детства Гоше Рапуте, которого давно не видел. Гоша сидел за столом, на котором лежала гитара, в открытом пластиковом кейсе. Он пребывал в минорном настроении и глушил, в одиночку, беленькую казёнку.

— Что с тобой, братка? Какая нелёгкая принесла циклон в твой дом?

— Печально мне, «Глобус», ой как печально.

Глобусом меня называют только близкие друзья, по причине округлости того места, где у мужчины должен располагаться торс.

— Понимаешь, — продолжал Рапута, — у меня была мечта. Настоящая, несбыточная, «голубая мечта», которая снилась мне по ночам и не давала покоя много лет. Я хотел, чтобы у меня была гитара Fender Jazzmaster, как у Ли Рональдо из Sonic Youth. И вот, спустя тридцать лет, она сбылась. У меня теперь есть этот Fender. Настоящий американец 1985 года. Это тебе, брат, не Мексика и не Япония. Я кучу денег за неё выложил. И что? А ничего, друг мой, ничего, просто пустота какая-то. Вот она звезда, к которой я стремился! А дальше то, что? Такое состояние, как будто жизнь закончилась, потому и грустно мне.

— Да, Гоша, я прям даже и не знаю, чем тебе помочь. В моём лексиконе просто нет слов утешения этой боли. Давай я с тобой выпью, может полегчает?

— Я только «ЗА», вот тебе деньги, сходи в лабаз, купи ещё одну бутылочку и пачку пельменей, но с условием, ты расскажешь мне смешную историю, для поднятия духа.

Дело за малым. Я туда и обратно смотался пулей, ведь бросить друга в беде — последнее дело. Сидим, хлопнули

по малой и я начал свой рассказ:

Поехали мы как то компанией на Волгу, порыбачить. У Сашки Бэринга родители в Якшино под Тверью живут. Ну, значит, идём по-тихому в запруде, Саня на корме, я на носу, а Юрка Матвей на веслах. И тут, весло цепляет поставленную кем-то сетку. Вокруг ни души, до берега метров двадцать. Матвей говорит: «Давайте проверим?». Бэринг в отказ: «Вы чего, мужики, прознает кто, голову отвернут». Ну, а мы то, парни городские, деревенских законов не знаем, да ещё изрядно подшофе. Потянули сеть на борт. И тут, с правого края, из кустов выходит какой-то сельский «рейнджер». Панама загнута под ковбойскую шляпу, рубашка в клеточку, джинсы и ружьё наперевес держит. Кричит нам: «Эй, голуби залётные, сеточку отпустили быстренько!» И чтобы не было возражений с нашей стороны, он стреляет дуплетом картечи по верх наших голов. Матвей с криком адской боли падает на дно лодки и дрожит, как осиновый лист. Бэринг с гримасой дикого ужаса на лице кричит: «Юра, Юрик, что с тобой, тебя убили?» Потом он поворачивается к «рейнджеру» и орёт на него, срывая голосовые связки: «Ты, что наделал, полоумный? Ты же убил его!» Пацан чуть дар речи не потерял, пискнул в ответ: «Какой убил, я же в воздух стрелял?» «Какой воздух? — кричит Саня, — он же мёртвый, иди сюда поганец!» Бэринг хватается за вёсла, чтобы плыть к берегу. А пацан, от испуга, бросает на землю ружьё и наутёк. Откуда ему бедолаге знать, что Бэринг с Матвеем курс актёрского мастерства закончили в институте хореографии. Потом уже, вечером, угорая от смеха, поведали об этом отцу Бэринга. Так тот, сразу определил: «Это Тимоха!» Отнёс ему ружьё, успокоил, а то он в подполе сидел, милицию ждал.

А тем временем, в гости к Рапуге пришёл Мишка Воротаев, то же друг нашего детства.

— Что отмечаем, братаны?

— Да, вот Гоша гитару купил, проставляется, — ответил я.

— А можно и я с вами?

— Без проблем, — сказал Рапута и протянул Воротаеву деньги, — сходи купи пол литра казёнки и пачку пельменей, но у нас есть условие, с тебя прикольная история.

— Замётано!

Через десять минут мы внимательно слушали Мишаню:

В детстве, каждое лето я проводил у бабули, в деревне Холявино. И вот, как-то, иду босиком по улице, на мне шорты, майка полосатая да кепка тряпочная с козырьком из пластмассы, смотрю а дед Семён, двоюродный брат моей бабки Софьи, строит какой-то большой сарай. Подхожу, спрашиваю: «Деда Семён, а ты что строишь такое большое?»

— Да, вот Мишанька, я тут слона прикупил, надо ему теперь будку построить.

— Слона? — у меня аж глаза на лоб выскочили. Я ж слонов только на картинках видел.

— Дед, покажи слона, ну пожалуйста?

— Покажу, Мишка, конечно покажу, только понимаешь, он ведь с дороги голодный, ему надо сено купить, а у меня деньги только завтра будут. Может ты знаешь, где бабка кошелёк прячет?

— Ну, да, в полке под столешницей.

— Сходи возьми там три рубля, как раз на стог сена хватит, а я Софье потом отдам, только ей ничего не говори про слона, это пока секрет.

Вы видели когда-нибудь столб пыли за лошадью, которую пустили в галоп? Так вот за мной был такой же. Я бежал, что было сил! Нёсся сломя голову, взял тройк (по тем временам это были хорошие деньги, шутка ли, люди получали в месяц по 60—80 рублей) и принёс их Семёну.

Семён, несмотря на свой возраст, как-то очень быстро слез с каркаса, взял деньги и обещал вернуться мигом.

Первый час прошёл незаметно, я пребывал в мечтах, мысленно представлял себе, как меня поднимает слон, садит к себе на загривок и катает по деревне. Прошёл второй час и в мою душу начало прокрадываться сомнение, но надежда в чудо не оставляла меня до последней минуты. Спустя три

с половиной часа Семён появился в калитке пьяный в хлам. Моему горю не было предела. Из глаз фонтаном лились слёзы, как у клоуна «Карандаша». Я отпихивал руками деда, который пытался меня всячески успокоить.

— Ну, Мишаня, ну перестань плакать, с бабулей я поговорю, всё будет хорошо. За то ты теперь можешь в любое время, приходите ко мне в огород, кушать яблоки, вишни, сливы, да и вообще бери всё, что захочешь. Можешь рыбу ловить в моём пруду, хоть всю вылови, я тебе даже слова не скажу, но только говорящую щуку не трогай, отпускаяй обратно. Она только мои желания исполняет, понял? Упоминание о волшебной щуке, несколько остудило мои рыдания и я успокоился, потому как где-то я про неё читал, а ведь в книгах неправду писать не будут, это ведь не дед Семён, который сочиняет всякие небылицы.

Я ловил карасей в пруду Семёна целое лето, но говорящую щуку мне так и не удалось поймать, хотя если честно, то и не говорящую тоже.

Мы дружно смеялись, от всей души, чередуя налитые с горочкой рюмки и в какой-то момент услышали настойчивый стук в дверь.

На пороге стоял Сева Кутман, наш закадычный друг. Сейчас он служит в торговом флоте и ходит в заграничку настолько часто, что мы даже начали забывать как он выглядит.

— Рапуга проставляется за гитару, ты с нами? — кричали наперебой друзья, крепко обнимая товарища.

— Конечно, парни, я вас сто лет не видел!

— Вот тебе деньги, — сказал Гоша, — иди купи пачку пельменей и бутылку водки. И ещё с тебя смешная история причитается.

— У меня всё с собой, парни, надеюсь возражений не будет!

На стол «упали» бутылки шотландского виски и всякая заморская снедь. Выпив за столь необычную встречу квартета друзей Кутману напомнили про историю:

Мне было лет 13 или 14, родители в каждую свою зарплату, давали мне в копилку «Олимпийский» рубль. Копилка была

из стеклянного кирпича, квадратного размера, куда я исправно закидывал денюшку. И вот однажды смотрю в окно, а там на улице старшие пацаны что-то считают. Я выхожу, здороваюсь, а они мне, Сева, нам одного рубля не хватает до бутылки вина. Ну что ж поделать, пацанов надо выручать. Столовым ножом ковыряю щелочку копилки и вытягиваю один рубль, приношу радостным парням, которые через пять минут выносят из магазина спортивную сумку, в которой полным полно бутылок портвейна. Я в замешательстве говорю: «Вам же до бутылки не хватало?» А они мне: «Сева, до двадцатой бутылки не хватало, мы хотели для ровного счёта ящик купить!»

Конечно я расстроился от такого поворота дел, я же хотел выручить парней, а они так, для коллекции и полного счёта. Они же не знали, на что мне пришлось пойти, копилка ведь была сделана, для того, чтобы мне купили мопед «Рига-13», моя «голубая мечта» тех лет, а тут бутылка, да ещё двадцатая.

Пацаны оценили моё благородство и предложили мне выпить. 200 грамм азербайджанского «Далляра» и я уже не мог перейти дорогу к дому. Терпеливо ждал, пока никого не будет на горизонте. Переполз в сад и припал спиной к яблоне. Через какое-то время пришла мама и зовёт меня: «Сева, иди кушать». А я в ответ ей: «Мама, я не могу, я пьяный».

Маманя думая, что я играю, ушла в дом. А у меня мутные круги перед глазами пошли, пытаюсь встать — не получается, земля навстречу бежит, да так быстро и больно, что я оставил попытки подняться. Через какое-то время маманя опять меня зовёт домой, а я ей так же отвечаю: «Не могу, я пьяный». И только на третий раз, когда я ей ответил то же самое, она ко мне подошла. Пожарная сирена — гудок от детской игрушки, по сравнению с тем криком мамани. Вот так я в первый раз попробовал спиртное.

Мы ещё долго судачили на разные темы, вспоминали, как мы хотели быть похожими на Битлс и в какой-то момент Сева спросил Рапугу: «Гоша, а за сколько ты купил этот раритет?»

Зная неподдельный интерес Кутмана к музыкальным инструментам, Гошка ответил: «Неважно за сколько я её купил,

важно за сколько я тебе её продам!»

Кутман улыбнулся и ответил: «Нет, Гоша, так дело не пойдёт. Чем точнее расчёт, тем прочнее дружба!»

Двадцать пять стодолларовых банкнот легли на стол.

— Я, знаю сколько она стоит, Гоша.

— Поздравляю, Сева, ты купил гитару.

— Да, я её купил.

— Ну, так, давай деньги на пельмени и казёнку, теперь ты проставляешь!

По окнам квартиры пробежала дрожь от гомерического хохота друзей.

А Кутман, подняв палец вверх произнёс: «А, где история?»

Рапуга стал раскачиваться на стуле и начал свой рассказ:

По пустыне шёл верблюд, шёл себе, шёл и вдруг захотелось ему по нужде. Остановился, оправился, подумал чуток и пошёл дальше. Идёт себе идёт и вдруг ему опять захотелось нужду справить. Справил, постоял немного, подумал и продолжил путь. Идёт дальше, видит бархан стоит, он подумал чуток и зашёл за бархан, смотрит нет никого и тут он опять решил справить нужду. Ну и так далее верблюд шёл до конца пустыни. Вот собственно и весь рассказ.

— Не поняли юмора, — в один голос возмутились друзья, — в чём здесь смысл?

— А смысла нет, — ответил Рапуга, — есть только помёт. Говехи наших с вами желаний, которые мы превращаем в несбыточную мечту. А на самом деле, это обыкновенная физиология, пустота да и только. Так называемый круговорот желаний. Сначала одно, потом другое, понимаете?

— Нет, — ответили хором друзья.

— Ну, как же вы не понимаете. Ну, вот гитара. Моя мечта её купить, это просто обыкновенное желание, то есть помёт. Я ведь шёл себе всё это время спокойно и дальше пойду также.

— А дальше то, куда? — спросили друзья.

— Дальше? — усмехнулся Рапуга, — а дальше я пойду за бархан...

Метаморфозы времени

Сопровождая руководство Администрации нашего района, в марафоне встреч с населением сёл и деревень, я готовил репортаж для читателей местной газеты. Практически во всех населённых пунктах, поднимаемые проблемы были одни и те же, но встречались и такие вопросы, которые ставили в тупик не только Главу района, но и здравую мысль простого человека.

К примеру, вопрос о чистоте на территориях сельских кладбищ. Казалось бы, простая для понимания обыкновенного человека задача и проблемы здесь вообще не может возникнуть, однако на самом деле, это далеко не так, во всяком случае у нас.

Дело в том, что после земельного раздела территорий, для хозяйственной деятельности различных отраслей, сельские кладбища оказались в ведении сразу двух субъектов правоотношений: администрации сельского поселения, на балансе которого стоит кладбище и Государственного лесного фонда, в ведомстве которого расположена земля.

Администрация волости, в принципе, выдаёт только разрешение на захоронение и место для этого на самом кладбище, даже ограду по периметру погоста, в настоящее время не ставят, потому как это выброшенные на ветер деньги, ведь Боговы полянки в деревнях разрастаются с каждым днём, а всё потому, что городские погребалища закрыты уже давным давно.

В обязанности Гослесфонда, как вы понимаете, входят задачи далеко не коммунального характера и вывоз ТБО из лесополосы кладётся на плечи лесного хозяйства, как хомут

на шею. Ведь это потери скудного бюджета, в котором даже нет такой строки расходов.

Так кто же должен убирать сельские кладбища? Ответ прост — тот у кого они стоят на балансе, а значит — волость. Вернее не сама администрация волости, а за её счёт — региональный оператор, который осуществляет эту деятельность и только он. Но для того, чтобы это произошло надо установить в зоне кладбища контейнерную площадку, так как мусорные баки запрещено ставить на голую землю, согласно нормам СанПиН.

Допустим волость нашла деньги (хотя это выглядит довольно проблематично, ведь бюджет складывается из налоговых отчислений жителей сельских поселений, а их у нас проживает не так уж и много), сделали площадку, установили контейнеры и, что, проблема решена? Верится с большим трудом. К примеру, если кладбище находится в черте посёлка или деревни, то да — это возможно и есть выход, ну а если погост расположен в лесу то, как долго там простоят мусорные баки? В конце концов, не секрет, что несознательная хозяйская жилка ещё присутствует у многих части населения и не только у тех кто живёт на селе, а понятие — «В хозяйстве всё пригодиться», в крови почти у каждого второго из нас.

Ну да ладно, представим на минуточку, что всё у нас получилось — сделали, поставили и т.д., как быстро эти баки будут заполняться? Да, моментально! Потому как, на кладбищах сотни могил и пусть даже не все они будут убираться в один час, объема баков всё равно не хватит. Добавим сюда проезжающие мимо машины туристов или местных жителей, которые не хотят собирать у себя во дворе мусор из-за специфического запаха и ждать две недели, когда его вывезут — это ещё дополнительная нагрузка. А каждый вывоз мусора, влечёт определённые расходы и чем чаще это происходит, тем они становятся всё больше. Скажем честно — у любой администрации волости таких денег нет, потому как колхозы-миллионеры уже давно канули в Лету.

Теперь оставим фантазии и мечты желаемого и перейдём к реальности нашего времени — кладбища продолжают обрастать свалками мусора со всех сторон, потому что нет мест его складирования и дальнейшего вывоза. Что дальше?

Представим сознательного гражданина, который решил собрать мусор вокруг могил, в заранее подготовленные мешки и вывезти к себе домой, в частный контейнер или как у нас водится — в ближайший по пути. Если такого человека остановит патруль ДПС, то ему грозит наказание за нарушение норм законодательства, предусмотренное ст.19.20 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, так как перевозкой ТКО, даже в случаях не связанных с извлечением прибыли, должны заниматься лица имеющие на это специальное разрешение (лицензию). Ну, а если гражданин выбросит мусор в ближайший лес, то ему грозит наказание по ст.8.31 того же Кодекса, за нарушение правил санитарной безопасности в лесах. Ответственность за указанные выше правонарушения одинаковая, вот только машины ГИБДД встречаются чаще, чем лесники, поэтому и растут свалки в лесополосе как грибы по осени.

Простому человеку выкинуть мусор на кладбище легче всего, так как здесь нет ДПС и лесников, а значит и штрафа не будет.

Так где же найти выход из создавшегося положения, неужели надо организовывать субботники на кладбищах? Так опять же, кого соберёшь в наше время и за чей счёт будет вывоз?

Одним словом беда... от слова бедность.

20.10.2019г.

Концы в воду

(миниатюра)

— Мы приедем после обеда, — сказали старикам работники «Водоканала». Они не смогли устранить причину протечки из магистрального водопровода в тупике улицы Красный переулок. Но, как говорится, «война войной, а обед по расписанию».

— А зачем вы колодец закапываете? — спросила старушка.

— Да так, чтобы дети, не дай Бог, не ввалились в яму.

— Ааааа, понятно, понятно...

Прошло два с лишним года, а работники до сих пор «обедают».

Водичка всё течёт себе и течёт. Откуда ей Пречистой знать — зачем она течёт? Электричество подаёт ток насосам, те качают день и ночь напролёт, а она всё льётся себе потихонечку и льётся. Недра у нас богатые, как ни крути — озёрный край, намного лет хватит.

— Подождите, — говорит обыватель, — но ведь это стоит денег: электричество, вода, насосы?

— Конечно стоит, — отвечает ему разум, — а как иначе, всё ведь предусмотрено тарифами. Ничего страшного, если они на порядок выше столичных — это не беда. Главное, чтобы концы в воду ушли...

27.03.2020г.

Памятник

*Это место до боли простое,
От родимого дома вдали,
Не вернулись солдаты из боя,
И здесь вечный покой обрели.
(«У братской могилы» М. В. Павлов)*

Двигаясь от белорусской границы в сторону родного Невеля, я остановил машину на гостевой автостоянке у мемориала павшим в годы Великой Отечественной войны солдатам. Стоянка небольшая, около 300 кв. м. Старый асфальт, уложенный здесь в советские времена, удивил своей прочностью, я нигде не увидел ямок или трещин. Бордюрный камень плотно сидит в земле, а по его периметру разрослись плодовые кусты шиповника, барбариса и смородины вперемешку с черёмухой и яблонями. Выложенная брусчаткой дорожка ведёт к лестничным маршам, ступеньки которых увлекают тебя вверх на высоту четырёхэтажного дома. Мы с дочуркой не спеша поднимаемся к обелиску, придерживаясь за железные перила художественнойковки. По краям от лестницы скошена трава, и подстриженный газон ярко подчёркивает высаженные здесь кусты сирени, роз и жасмина. Почётный караул из десятков высоких елей укрывает нас от ярких солнечных лучей. Две небольшие смотровые площадки с квартетом небольших лавочек остались позади. 46, 47, 48 — вот и закончился счёт ступенек. Впереди виднелся просторный выступ из брусчатого камня, окаймлённый блестящей на солнце оградкой. Рядом стоит дубовая аллея. Здесь каждый год 10 октября, в день открытия памятника, высаживают один саженец этого могучего крепкого дерева, являющегося

символом мужества, огня и молнии. С высоты кургана человеческому взору открывается величественная картина пейзажного наследия земли русской.

Огромный гранитный валун играл пред нами искрами кварцевых вкраплений. От изумления у моей дочери округлились глаза. Она видела такое только в мультиках на экране смартфона. Вдруг, плывущие по небу облака спрятали солнце — сказка исчезла. Как хорошо, подумалось мне, что моя дочка ещё мала и не понимает, куда мы пришли. Хотя если честно, то я сам удивился чистоте и ухоженности мемориала — 9 мая прошло почти пять месяцев назад, а до освобождения города остаётся ещё три недели. Военские захоронения убирают один раз в месяц и то, если они расположены в черте города. А тут такая красота и порядок, прям диву даёшься. Более того, памятник был открыт в далёком 1965 году и посвящён воинам 16-й Литовской, Клайпедской, Краснознамённой стрелковой дивизии, участвовавшей в боях за освобождение Невельского района осенью 1943 года. А не так давно тут установили мраморную плиту бойцам 29-го национального литовского корпуса, то есть тем двум тысячам солдат и офицерам, которые остались верны присяге нашей общей в прошлом Родины и погибли здесь, обороняя русскую землю от натиска фашистских орд в 1941 году. Именно тем, из состава которых была второй раз сформирована 16-я Литовская дивизия.

Да, это правда! Как правда и то, что во многих странах мира народ-освободитель сейчас называют оккупантом, поливают грязью Красную Армию и стараются всячески принизить подвиг наших отцов и дедов. Сносят памятники героям, допускают вандализм и кощунство на их могилах. А мы? А мы не такие, мы храним память, для нас подвиг - это святое. Для нас не важно, кто был тот солдат по национальности, который сложил голову за нашу свободу. И потому мы ухаживаем за могилами павших воинов, несём к обелискам цветы и чтим память о них добрым словом.

Памятник павшим воинам 16-й Литовской, Клайпедской, Краснознамённой стрелковой дивизии в д. Дубище Невельского района Псковской области

Я тихо позвал мою малышку, она была увлечена своим отражением на мраморной плите, гладила её своими ладошками. Мы поправили искусные лампадки у подножия и отправились к роднику, чтобы набрать воды и полить разбитый цветник на установленной здесь клумбе.

16.09.2020г.

Мать солдата

*По воспоминаниям ветерана
Великой Отечественной войны
Николая Евдокимовича Соловьёва*

В семье Евдокима Демидовича и Анастасии Поликарповны Соловьёвых, проживавших в деревне Бойково Невельского района Калининской (ныне Псковской) области, родилось три сына. Старший из братьев Дмитрий ушёл служить в армию в 1938 году. Спустя три года страшная весть пришла в каждый дом — началась война. Отца призвали на фронт. А уже 15 июля 41-го фашисты вошли в Невель. Гитлеровцы стали угонять в Германию невельскую молодёжь. Тяжёлая доля выпала и среднему брату — Петру: он оказался в числе угнанных. Единственным мужчиной в семье остался пятнадцатилетний Николай, которому пришлось вместе с матерью вынести все ужасы фашистской оккупации.

SOUVENIR

Прорываясь с боями из Киевского котла, Дмитрий, как и многие его сослуживцы, попал в плен и содержался в шталаге Белая Церковь. Бежал. В поисках еды попросил помощи у местных жителей. Они оказались коллаборантами и выдали красноармейца фашистам. Его вернули в лагерь, потом этапировали в Полоцк, в ДУЛАГ № 125. По сути, это был настоящий концлагерь, но и оттуда ему удалось сбежать. В районе посёлка Идрица Себежского района Дмитрий нарвался на немецкий патруль. Был схвачен и снова доставлен в Полоцк. 10 суток карцера в лагере военнопленных равносильны смертному приговору. Низкая температура, сырость и голод отнимали последние силы, медленно вели к угасанию его жизни. Руки уже не могли поднести ко рту выдаваемые узнику в сутки сто грамм хлеба и кружку воды.

Одному Богу известно, как Анастасия Поликарповна узнала про заточение сына. Собрав в небольшую котомку скудный провиант, она отправилась пешком в Полоцкий лагерь — это около 110 км. Сейчас трудно сказать, как ей удалось передать посылку. Возможно, немцы попались стоворчивые. Но то, что Дмитрию стали приносить в карцер одну ложку толлокна ежедневно, — факт.

— Когда я увидел толлокно, то сразу понял, что кто-то родной узнал обо мне. Заправлял его водой и пил. Возможно, именно это спасло мне жизнь, — рассказывал братьям после войны Дмитрий.

Осенью 1943 года в ходе молниеносной наступательной операции Калининского фронта войска 3-й ударной армии освободили город Невель и некоторые населённые пункты на юго-востоке района. Здесь следует отметить, что вся территория района была освобождена к весне 1944 года. Так вот, деревню Бойково освободили 6 октября 1943 года, а спустя две недели Николай был призван в ряды Красной Армии. В 153-м запасном полку он прошёл курс молодого бойца и был

определён в 890-й отдельный сапёрный батальон 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. В конце весны 1944 года линия фронта проходила вблизи села Лукино (в настоящее время граница Бежаницкого и Пустошкинского районов Псковской области). Это порядка 80 километров от Невеля. Но разве это расстояние для матери, беззаветно любящей своих сыновей? Для материнского сердца воистину нет преград. Анастасия Поликарповна не знала, где находится её сын, где расположена воинская часть, в которой он служит. Но, собрав нехитрые гостинцы, она пошла к нему на фронт, бережно храня на своей груди письмо от Николая. Заветный номер полевой почты 11159 она выучила наизусть, а солдатское письмо-треугольник служило ей путеводной звездой. Она показывала его всем, кто её останавливал и у кого она пыталась узнать дорогу.

Неизвестно, сколько времени она шла, но к полудню 18 мая её остановили наши солдаты на подходе к Лукино. Сапёры из первой роты возводили переправу и очень удивились, когда встретили в паре километров от передовой женщину, разыскивающую своего сына по адресу их полевой почты. Проверили документы и доложили командиру. Тот по команде доложил дальше.

Николай служил во второй роте и в это самое время с двумя товарищами строил наблюдательный пункт на переднем рубеже. Начался артобстрел первой полосы обороны, и от взрыва немецкого снаряда комья мерзлоты страшным градом накрыли сапёров. В ногу ударило настолько больно, что она распухла прямо на глазах. Подняться было невозможно, пришлось ползти до щели-укрытия. Через какое-то время прибыл комвзвода и огорошил Николая новостью: «К тебе мать пришла! Приведи себя в порядок и двигайся в расположение...».

— Мам, как ты вообще такое удумала? — обнимая матушку, спросил Николай, — надо мной теперь все мужики смеяться будут.

— Соскучилась, сынок, терпеть больше нет сил, — утирая слёзы, ответила мать. — А ты почему такой грязный? Ты

где был?

— Так я ж не на танцульках.

До позднего вечера разговаривали. Николай спрашивал про отца, братьев — может, вернулся кто. Да куда там... Сын накормил маму солдатским ужином. А она ему из котомки гостинец достала: печенье из отрубей и толокна, с кило где-то. Толокно ведь очень питательное: съел пару ложек — и ты уже сыт.

Весть о том, что к бойцу на фронт пришла мама, дошла до командира батальона, который распорядился отрядить следующим утром полуторку на станцию «Невель» за продуктами для части, и заодно доставить Анастасию Поликарповну до соседнего райцентра.

В деревне было несколько целых домов: в одном квартировали солдаты, а в другом проживало две или три семьи. Туда мать Соловьёва и определили. Она там подремала чуток в уголке. А поутру — в обратную дорогу.

— Обнялись мы на прощание, — вспоминает ветеран. — Она мне: «Береги себя, сынок. Уж не знаю, увидимся ещё или нет». И такая тоска у неё в глазах была, что и сейчас заплакать хочется, да выплакал всё уже.

К вечеру 19-го мая Анастасия Поликарповна вернулась в Бойково. Устав от дальней дороги, легла спать. А ночью на озере Мелкое, по берегу которого располагалась деревня, какой-то капитан лучил рыбу. И в это самое время немецкие самолёты летели бомбить железнодорожную станцию «Невель». Село находилось меж двух дорог, одна — на Усвяты, другая — на Витебск, и соединялись они трассой Великие Луки — Невель, здесь же, в трёхстах метрах, проходит железная дорога Невель — Витебск. Скорее всего, такая картина местности вкупе с лучами фонаря на воде смутила немецких лётчиков, и они открыли бомбюки. 38 авиабомб превратили этот клочок земли в адское месиво. Смертельные осколки прошивали стены домов, а взрывная волна сносила крыши, разбрасывая венцы строений на десятки метров...

Анастасия Поликарповна погибла. Она словно предчувствовала трагический конец своей жизни и поэтому сделала то единственное, что сейчас кажется странным и невообразимым — пришла на фронт к своему сыну. Пришла, чтобы проведать, попрощаться, увидеться в последний раз и, возможно, тем самым уберечь своё дитя от неминуемой смерти в жерновах беспощадной войны.

P.S.

Соловьёвы вернулись с войны живыми. Отца демобилизовали сразу после Победы. По возвращению он всю жизнь трудился в колхозе. Дмитрия освободили американцы из шахт в горах Германии. Осенью 1945 года его передали советским войскам. Пройдя фильтрационную цедилку, ему пришлось ещё год служить в Западной группе оккупационных войск. Вернувшись, окончил железнодорожный техникум и работал в г. Полесске Калининградской области на местной дистанции пути. Петра освободили наши войска весной 1945 года, после чего отправили к месту жительства. Он закончил Невельское педучилище и по распределению был направлен в Латвию учителем начальных классов. А Николай вернулся домой только в 1950 году и работал до выхода на пенсию киномехаником.

В общем, всё у них сложилось хорошо, но даже сейчас, спустя 77 лет, внуки и правнуки Анастасии Поликарповны с невероятным трепетом в голосе рассказывают эту историю своим потомкам, полную трагизма и безраздельной любви матери к своим детям.

02.10.2020г.

Рассказ попутчицы

Осень уже окончательно вступила в свои права, и серое небо почти каждый день поливало дождём нашу местность, а иногда сыпало наземь белой крупой, успевших заледенеть в полёте к земле осадков. Угрюмое настроение предзимья всегда наводит на мысли остаться наедине с самим собой и влечёт успокоить душевное равновесие куда-нибудь подальше от городской суеты. Вот и я, в один из таких дней, уняв на лоне природы накатившую тоску и меланхолию, возвращался домой на автомобиле из далёкой вотчины своих предков — деревни.

Заприметив издалека одиноко стоявшую у обочины большака старушку, я решил подвезти её до города. Ведь автобусное сообщение в сельской местности оставляет желать лучшего уже много-много лет.

— Спасибо тебе, сынок, — поблагодарила меня за чуткость женщина, — а то стояла бы здесь, на дождю, до скончания веков. Не знаешь, когда-то это безобразие закончится?

— Ой, не знаю, мать — это не ко мне, — отвечаю, слегка улыбнувшись старушке.

— Видно и вправду говорят: «Что посеешь, то и пожнёшь». И поделом нам. Сами себя высекли жадностью своей, — разговорилась женщина. — Раньше и автобусы, и поезд пригородный ходил, причём два раза в день. Так нет же — нам задарма подавай. Билет стоил 40 рублей, а мы кондуктору: «Давай за полцены? Я тебе 20 рублей, а ты билет оставь себе, продашь потом кому другому». Вот и получалось, что от выручки у организации шиш с маслом, а у кого-то карманы набиты. Вскоре рейсы признали нерентабельными и отменили. Добирайся до города как знаешь, хошь на попутках, а хошь на такси за тысячу целковых. Автобус теперь только школьный

ходит, поэтому, как каникулы наступают, так для нас вообще беда.

— Да, печальная реальность, — сочувственно поддерживаю монолог старушки, — а в город зачем едете?

— Так у внука маво День рождения сёння! Вот гостинцев везу. Надо ж побаловать ребёнка настоящими сладостями, а то ведь на прилавках сплошная химия — подсластители, красители, ароматизаторы, ешки и прочее дерь... прости ты меня Господи, чуть не выругалась.

Старушка достала из котомки леденец в виде петушка на палочке и протянула мне.

— Попробуй, пальчики оближешь, — и в глазах женщины мелькнула искорка гордости за кулинарное изделие. — Здесь всё натуральное: мёд, вода родниковая, домашнее масло. Так что не сомневайся — вкусно, полезно, да и затраты пустяшные. Вот помню, в детстве мама такие нам делала, по праздникам правда, но тогда время тяжёлое было, по сёлам хозяйства поднимали. Колхозы долго становились на ноги в послевоенные годы. Сладости в магазинах продавались, но денег не было, работали за трудодни. Вместо конфет у нас сосульки с крыши были, по весне их сбивали и лизали. Помню, на доме крыша шифером покрыта была, а хлев соломой. Так вот, с соломы сосульки были намного слаще.

В 1965 году колхозниками начали платить пенсии, а с 1966 года зарплату. У стариков небольшие деньги завелись, стало чуть легче. Можно было хоть что-то купить, но конфеты для нас всё равно оставались в диковинку, непомерная роскошь по тем временам, особенно в деревне. Да и не так много их было, я имею ввиду названия конфет. Как сейчас помню: «Каракум», «Коровка», «Белочка», «Красный мак», «Южная ночь», «Красная шапочка», «Золотой ключик», «Гусиные лапки», «Тузик». Мы даже фантики от них собирали, как реликвии. Вот ведь какое было время. Я даже сейчас с закрытыми глазами смогу распознать их, дай только попробовать. Потому как немного их было, и у каждого вида был свой вкус и своя

изюминка. А сейчас марок этих конфет тысячи, а вкус один и тот же... прости ты Господи, опять чуть не выругалась.

Тридцать километров пролетели, как одна автобусная остановка. Мы въезжали в город. Высадив старушку у Главпочтамта я наотрез отказался от протягиваемых мне денег, но попросил рецепт умятого мной по дороге угощения. Потому что человеческие ценности не должны меняться с течением времени, иначе мы станем похожи на тех людей, которые высекли сами себя.

07.11.2020г.

Реальная история

Главный редактор районной газеты Марина Калинина спешно набрасывала в черновике план очередного номера еженедельника. С минуты на минуту она ожидала визит некоего мужчины, назвавшегося в телефонном разговоре с ней Александром. Тема предстоящей беседы не была озвучена, но нервный голос собеседника поднимал в груди волнение к будущему диалогу, а фраза: «Нам надо с вами серьёзно поговорить, чтобы такого больше не происходило вообще», не просто интриговала, а заставляла отнестись к разговору предельно серьёзно и внимательно.

Постучав костяшками пальцев в дверь кабинета, вошёл седовласый мужчина предпенсионного возраста.

— Разрешите? Это я вам звонил.

— Да, пожалуйста, проходите, слушаю вас.

На секунду замявшись, мужчина начал свой рассказ:

— Я к вам вот по какому поводу. Дело в том, что буквально неделю назад, в прошлую пятницу, мою мать госпитализировали с артрозом нижних конечностей в хирургическое отделение нашей больницы. Маме 82 года, и с этим диагнозом нам приходится считаться и довольно часто проходить лечение в стационаре. Так вот, в пятницу мы её положили, а уже в понедельник узнаём, что у матери двухстороннее воспаление лёгких и её отправляют на лечение в областной центр.

От волнения у мужчины дрогнул голос, а глаза наполнились влагой.

— Как это могло произойти? — спросите вы, — а я вот тоже не понимаю! У меня в голове просто не укладывается, как возможно такое, чтобы в больнице отключили отопление

в конце октября месяца? Я понимаю, что в начале отопительного сезона бывают накладки и сбои в системе. Но, простите, это медицинское учреждение! В нём должно быть всё отлажено и работать, как часы. Отключили батареи, так поставьте обогреватели в палаты, дайте дополнительные одеяла, проявите заботу о больных. Так нет же — полнейшее равнодушие! Неужели не понимают, что человек старый и ходит с трудом, лежит одна одинёшенька в холодной палате под тоненьким одеялом? — Александр замолчал, сглатывая подкативший к горлу ком и начал вытирать платком красные от расстройства глаза.

— То, что вы рассказываете просто невыносимо, — отозвалась Марина, — это словно ушат ледяной воды на голову.

— Это ещё не всё. После того, как поставили диагноз — пневмония, а её лечат только в областном центре. Мою старушку спустили вниз в приёмный покой и определили сидеть на стуле в холодном боксе. Она провела там четыре часа, пока они готовили сопроводительные документы и решали вопрос с транспортировкой, ведь до областного центра 240 км. Вы только представьте — четыре часа на стуле в холодном помещении с воспалением лёгких! Это, что вообще происходит у нас? Разве так должны поступать медики? Коновалы какие-то...

— Вы обращались в администрацию больницы? — участливо спросила Марина.

— Обращался — не то слово, — Александр тяжело вздохнул. — Конечно, обращался. Навёл там шороху по первое число. Удивляюсь, как они только меня в полицию не сдали. Если честно, то я сам переживаю, может перегнул палку, накричал там на кого-то незаслуженно, обидел. Но вы поймите меня правильно — эмоции просто зашкаливают от такого равнодушия, ведь у них тоже есть матери, бабушки и дедушки. Где же их чуткость, понимание, сопереживание наконец?

Марина, я понимаю, что не по адресу обратился. Я не хочу кого-то наказать или отомстить. Прошу вас только об одном — напишите про этот случай в газете. Пусть каждый из нас

задумается о том, какими чёрствыми мы становимся к чужой беде. С нами происходит что-то очень не хорошее. Мы начинает терять человеческие ориентиры и превращаемся бог знает в кого. Такого больше не должно повториться ни с кем, понимаете?

— Разумеется, Александр, я вас очень хорошо понимаю, и как мать, и как дочь. Уверяю вас, всё, что от нас зависит, мы сделаем.

Когда за посетителем закрылась дверь, Марина развернула офисное кресло к окну и крепко задумалась, глядя на макушки осиротевших без листвы деревьев.

«Что вообще происходит? — Марина мысленно повторила вопрос Александра. Это уже далеко не первая жалоба в адрес наших медработников».

Она отметила, что буквально вчера знакомый рассказал, как он с друзьями носил на носилках по этажам поликлиники вдову почившего пару лет назад командира поискового отряда. А всё потому, что в больнице, куда они её привезли на госпитализацию, попросту нет санитаров, которые должны состоять в штате медицинского учреждения и выполнять подобные функции. Их нет вообще. И я, если честно, даже не помню, были они когда-то раньше, в другие времена. Нет, по-моему, не было. Но я точно помню, что в больнице всегда работал лифт и был передвижной рентген. Поэтому больных не приходилось перемешать на носилках по улице в другое здание больничного городка, чтобы сделать несчастный снимок. Теперь же, это удел близких родственников, а если их нет и человек одинок?

Свалившаяся на мир пандемия, словно снежный ком прокатилась по нашей стране, являя на свет божий всё новые и новые проблемы в медицинском обслуживании. Хотя, причём тут пандемия? Люди изменились. И это произошло не так давно, буквально за небольшой отрезок времени в наших головах поменялись приоритеты человеческих ценностей. Вот оно — настоящее лицо капитализма, когда личные интересы превыше общественных, когда важнее всего на свете стали

деньги, стремление к обогащению, несмотря ни на что и ни на кого, потому что «Я» стала первой буквой алфавита.

Почему-то в памяти всплыла история пятилетней давности. Деревня из десяти дворов. Именно туда, в опустевший дом своих родителей, выйдя на пенсию, после долгих лет плавания вернулся отставной морячок. Постоянные походы по морям сослужили ему не добрую службу — остался бобылём. В деревне с радостью помогал старикам, живущим по соседству, кому воды, кому дрова. И вот, в один далеко не прекрасный для него день, морячок отморозил ноги. В районной больнице долго не думали — ампутировали обе конечности. Отлежав положенные в стационаре дни, мужчина, пребывавший в глубокой депрессии от свалившегося на него горя, получил документы на выписку. Из гаража медучреждения выделили автомобиль для доставки бедолаги в деревню. Привезли домой и положили на лежак у входа. Живи, как хочешь, называется. Спустя какое-то время мимо этого дома ехала машина из администрации местной волости. Время было зимнее, поэтому сидящих в авто женщин заинтересовали следы к дому и открытая в нём настежь входная дверь. Никак грабители орудовали, надо проверить. Но то, что они увидели, повергло их в настоящий шок. На затёртом от времени диване, лежал безногий мужик. На его обмотанных бинтами культяшках, виднелись засохшие бурые пятна крови, а по углам дома, посвистывая и теребя отставшие от стен обои, гулял холодный ветер...

Когда женщины поняли, что мужик ещё живой, шок сменился на крайнюю озабоченность его судьбой. Тут же бедолагу напоили чаем из термоса водителя и начали звонить во все инстанции.

Начавшийся было скандал спустили на тормозах по-тихому, не поднимая волны. Об этом стало известно руководству района. Там сделали соответствующие распоряжения, и морячка быстро определили в дом престарелых и инвалидов. Осадок от этой неловкой истории остался у многих, а выводы, похоже, сделали не все.

«А вывод простой, — сказала себе Марина, — надо в любой ситуации прежде всего оставаться человеком», — и повернувшись к рабочему столу, сделала новую пометку в плане следующего номера газеты.

15.11.2020г.

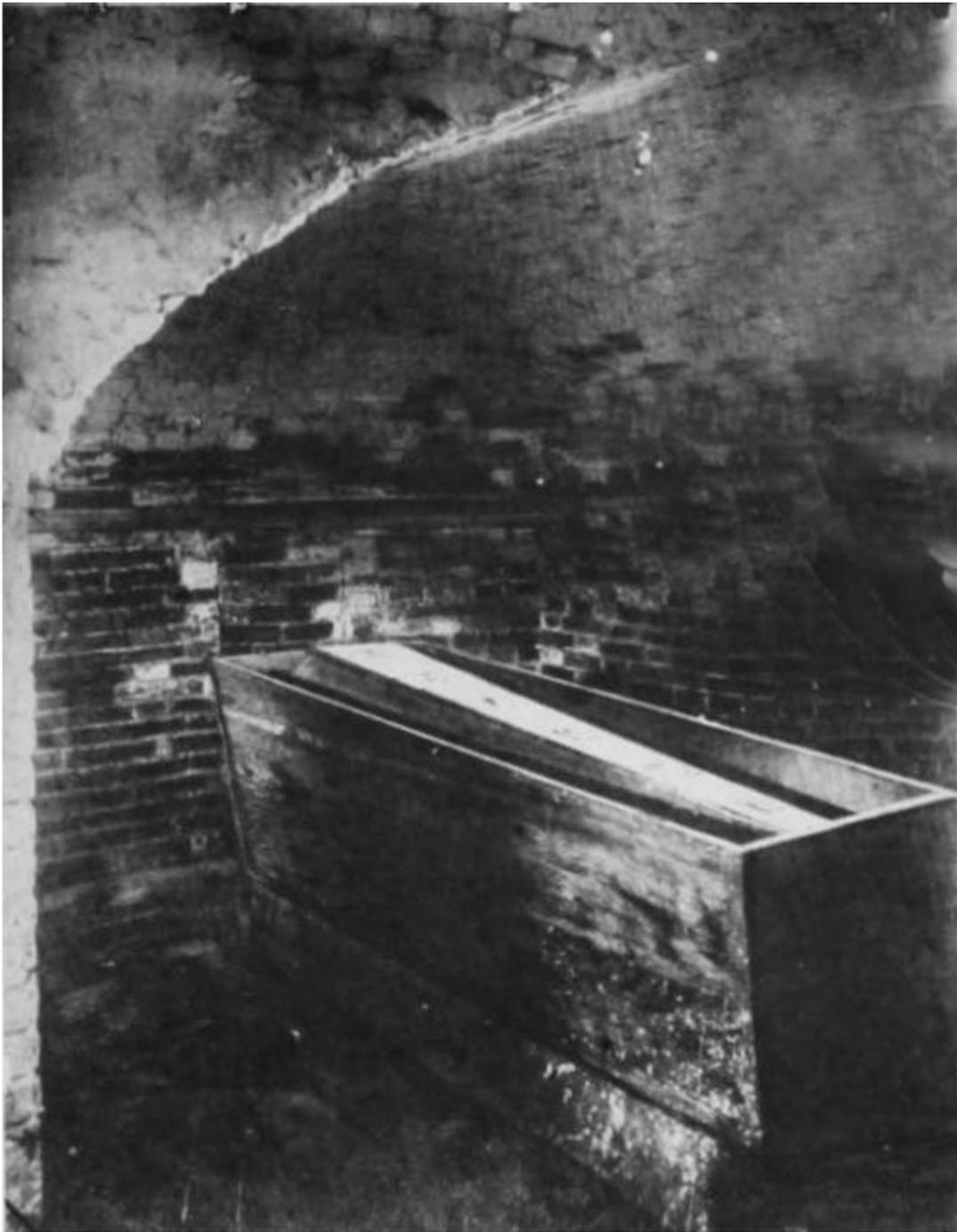
Дело об ограблении церкви в селе Иваново

В основе сюжета лежит реальная история из донесения благочинного 1-го Невельского церковного округа Полоцкой Епархии Ефимия Гнедовского, от 30-го сентября 1878 года, к Его Преосвященству Викторину (Любимову).

Церковь с. Иваново 30-е годы XX века

В ночь с 4 на 5 сентября 1878 года была ограблена церковь Рождества Иоанна Предтечи в селе Иваново Невельского уезда Витебской губернии. Неизвестные проникли в притвор через главную дверь храма, которая была заперта двумя замками, причём один из них открыли ключом, а другой сломали. Разбив стеклянную дверь в притворе, они проникли в церковь и похитили: священный антиминс, весьма ценные кресты, Евангелие, дарохранительницу, два потира с полными приборами, содрали серебряный оклад с небольшой иконы, украли мирницу, пасхальный трикирий и два дорогих подризника. Кроме этого, умыкнули попечительские деньги в сумме 131 рубль и 35 рублей церковной наличности. Обчистив церковь, злоумышленники вышли через боковые северные двери. Главную дверь вновь заперли на замок. После чего забрались в церковный склеп, где в особых гробницах покоились тела ктитора храма — белорусского генерал-губернатора Ивана Ивановича Михельсона и его детей. Там они вскрыли гроб отца, сняли пелену, покрывавшую покойного... и в таком положении оставили усыпальницу. Забегая вперёд, скажу, вору хотели поживиться наградами и оружием генерала, но нашли только почерневшую мумию огромного роста, на которой их привлекли кожаные ботфорты. Снять их не получилось, так как обувь напрочь прикипела к ногам покойного.

Усыпальница И. И. Михельсона, 1902г.

В пять часов утра местный священник о. Константин Серебренников, вызванный для напутствия больного, подошёл к церкви и по взломанному замку на передней двери, догадался

о случившемся. Он тотчас отправил посыльного с вестью о произошедшем в полицию и к своему руководству. Утром в село прибыли местный благочинный, уездный исправник, становой пристав и полицейский урядник. Они произвели осмотр места преступления и составили список похищенного имущества. По приблизительной оценке сумма ущерба составила более двух тысяч рублей. Полицейский урядник Филимонов призвал на помощь местное население и начал прочёсывать ближайший лес (так называемый парк Михельсона), где они довольно быстро нашли ободранное Евангелие, с которого был сорван роскошный оклад. Там же были обнаружены следы воров, которые вели в сторону Невеля. В следующую ночь, с 5 на 6 число, воры сделали попытку ограбить Церковь Сошествия Святого Духа в деревне Плиссы, что находится в двух верстах от города. Они успели сломать навесной замок на входных дверях, но их заметили подходившие к храму двое караульных и грабители скрылись.

Около 8 часов утра в Плиссы приехал становой пристав Куриленко. Расспросив о покушении, он узнал, что преступников было четверо. Они были одеты в короткие пальто и направились по большаку в сторону Полоцка, причём один из них, убегая, обронил под горой шапку. Пристав решил преследовать воров.

Расспрашивая встречных, он вскоре узнал, что в двух верстах от села Плиссы, около полуночи, двое мужчин сорвали шапку с головы крестьянина Стаецкой волости. Потерпевший рассказал Куриленко о том, что преступников — пятеро! Все в коротких пальто, которые в нашей местности мало кто носит.

На рассвете подозреваемых видели в деревне Березово (ныне посёлок Новохованск), а позже приставу сообщили, что похожие люди остановились в корчме деревни Железница и при себе имели узлы набитые, какими-то вещами.

Полицейский понял, что напал на след преступников. Ввиду того, что лошади Куриленко были известны местному населению, он попутно заехал к дворянину Томашевскому и поменял их. Здесь же он переоделся в гражданское платье

и взял с собой подмогу — десять человек на телегах. Прибыв в Железницу он узнал, что разыскиваемые были здесь всего пару часов назад и несли за плечами тяжёлые узлы. Эту же информацию ему подтвердили в следующей корчме в селе Литвиново. Отсюда дорога вела прямо в Полоцкий уезд. Местность глухая, 15 верст — дремучий лес, а по дороге сыпучий песок, который сильно затруднял преследование. Но преступники испытывали те же трудности, причём они двигались пешком. Поэтому Куриленко взял с собой из Литвинова ещё несколько человек и продолжил погоню. На песке тракта были отчётливо видны свежие следы пяти человек. Правда, через некоторое расстояние они уходили в лес, где обрывались. Добравшись до следующей корчмы в селе Краснополье Полоцкого уезда, полицейский решил поджидать злоумышленников здесь, в засаде. Тут был единственный выход из леса к мосту через реку Дриссу. По соображениям Куриленко, преступники должны были остаться далеко позади. Расчёт оказался верным. Следом из Литвинова пришёл крестьянин и сообщил, что видел пятерых людей, вышедших на тракт из леса, но пройдя по дороге небольшое расстояние, они скрылись в лесной чаще.

Его Превосото

дѣтельство

ІВАНЪ ІВАНОВИЧЪ

МИХЕЛЬСОНЪ *и*

Генералъ

Маіоръ

*и Орденъ С.^т Але-
кс.^т Георгіа 3^т Класа и С.^т*

*командиръ некоего
Винниградскаго Палаца*

В нескольких верстах от Краснополя у села Крашуты имелась паромная переправа через Дриссу. Чтобы преследуемые не ускользнули этим путем, пристав направил туда несколько человек для наблюдения, а сам заночевал в Краснополе. Ночь прошла спокойно. Утром 7 сентября передовые караульные подали сигнал о приближающейся к деревне группе лиц. По указанию Куриленко, хозяин корчмы — мещанин Островский, стал зазывать путников к себе в заведение, посулив им выпивку и отличную закуску. А тем временем, из-за реки на помощь приставу прибыл вызванный полицейским местный помещик Эльцберг с группой крестьян. Его подручные плотно окружили дом, а Куриленко и Эльцберг вошли внутрь корчмы, где завтракали лиходеи. Они расспросили «гостей» откуда и куда те направляются, потребовали предъявить паспорта, проверили их и затем вернули владельцам. После чего дворяне подошли к узлам, лежащим в углу, и как бы случайно задели их ногами. Раздавшийся звон подсказал, что в них находятся металлические предметы. Тогда-то Куриленко и объявил преследуемым о намерении арестовать их. По условному знаку из сеней в избу вошло несколько человек. Один из преступников попытался бежать. Ударом кулака он вышиб оконную раму и выскочил на улицу, но тут же был схвачен. Остальные четверо были арестованы без сопротивления. В узлах оказались вещи, похищенные из Ивановской церкви.

Крестьян поразило то, что грабителями оказались: отставной унтер-офицер Григорий Григорьевич Исправный, имеющий собственный дом в г. Динабурге, вилькомирский купец Петр Иванович Корабликов, вилькомирский мещанин Семен Иванович Григорьев, рижский мещанин Севастьян Самсонович Павлов, яacobштатский мещанин Родион Михайлович Плешков. То есть, сословные горожане, которые не были нищими и далеко не испытывали крайней нужды. Что сподвигло этих людей на преступление, история умалчивает. Подобных хриstopродавцев могли растерзать прямо на месте, ведь ради благолепия божьего храма крестьяне отрывали от себя

и своих детей последнее, тем самым старались не оскуднеть духовной пищей и превносить благолепие в храм божий. Они этим жили! Лиходеев, обокравших в первую очередь простой люд, ожидал неумолимый суд, суровые телесные наказания и долгие годы каторжных работ в далёкой Сибири.

07.01.2021г

Триснопамятное

В районе села Башмаково Невельского района Псковской области, в живописном уголке соснового леса, на крутой, песчаной горе раскинулось старое кладбище, именуемое в обиходе «Бабарыга». Именно здесь в 1886 году, на месте кладбищенской часовни была построена церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая когда-то была приписной к Топорскому благочинию 2-го церковного округа Невельского уезда Полоцкой и Витебской епархии. Кстати, в архивных документах Полоцкой духовной консистории это кладбище значится как «Баба-рига», а вот откуда повелось такое название, история умалчивает. Возможно, в седые времена здесь из-под земли бил сильный родник, который наши предки в старину называли — рига. Благодаря своему лесному месторасположению церковь пережила годы религиозных гонений. Тем более что она не являлась приходской и службы здесь велись исключительно в поминальные праздники или в дни погребения жителей окрестных деревень.

В июле 1941 года фашисты стремительно наступали, оставляя в своём тылу разрозненные части Красной Армии, которые укрывались в лесах и собирали ударный кулак для выхода из окружения. Именно в таком положении в лесном массиве «Песеца» оказались 51-й и 62-й стрелковые корпуса 22-й армии Западного фронта. Прорыв повлёк огромные потери. Тысячи убитых солдат навечно остались в этом лесу. Достаточно вспомнить 198-й медико-санитарный батальон 112-й стрелковой дивизии с двумя тысячами раненых, от которого в живых осталось чуть более сотни человек.

В настоящее время невозможно установить точную дату появления в этих местах двух иеромонахов — Гурия и Флавия.

Очевидцы говорят, что они пришли из Витебска и какое-то время укрывались в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. За плечами у них были узлы и они не питали желания встречи с гитлеровцами. Последний раз в этих местах видели священнослужителя в 1932 году. Это был настоятель Стаецкой церкви Покрова Пресвятой Богородицы Феодор Тонковид. В 1942 году по зову жителей деревни Ловец он вернётся в эти места и обретёт здесь мученическую смерть от рук бандитов. Но это будет через год после описываемых мной событий, а пока что Гурий и Флавий остановились в уцелевшей церкви и принялись погребать сотни тел погибших красноармейцев.

Местное население испытывало настоящую потребность в пастырском благословении, утешении и напутственном слове в лихую годину. К монахам потянулись люди. Но, у них была какая-то своя, особая миссия. Скорее всего, это было связано с их поклажей, возможно, они пытались сохранить от поругания церковные реликвии. Мы этого не знаем. Но осенью 1941-го года их следы теряются в нашем районе. Свидетели тех событий говорят, что стены храма Рождества Пресвятой Богородицы были оклеены листами писчей бумаги с именами солдат Красной Армии. Сейчас мало кто знает, что двести лет назад, во времена Отечественной войны 1812 года, в Русской Православной Церкви был заведён обычай приделывать к стенам храма таблички с именами прихожан погибших во славу Отечества. Да, погибшие солдаты не были прихожанами церкви на кладбище «Баба-рига», но ониполнили ряды благословенного воинства Царя Небесного, а Гурий и Флавий предали земле прах воинов и сделали всё необходимое для этого, согласно Устава Православной церкви. Они не могли поступить иначе. Светлая им память.

Дальнейшая судьба иеромонахов неизвестна, но на этом история ещё не заканчивается. В декабре 1943 года Советские войска стремительно наступали, освобождая Невельский район от фашистской нечисти. Отступая, Вермахт всячески пытался задержать наших солдат и в районе села Башмаково немцы взорвали мост через реку Ужица, что находился аккурат

в километре от кладбища. Под огнём арьергарда противника заготавливать лес ой как непросто, да ещё, если прибавить к этому лютую стужу — мало не покажется. Задержка в наступлении дала бы врагу время отойти и основательно закрепиться на господствующих высотах у села Турки-Перевоз и это привело бы к огромным потерям со стороны наших войск. В поисках подходящего брода, передовой отряд стрелков-лыжников наткнулся на церковь. В такой ситуации решение принималось стремительно. Сапёры разобрали храм и из его материала быстро наладили переправу. Наступление продолжилось.

Конечно, на первый взгляд это может показаться кощунством, но это далеко не так. И я надеюсь, что Отец Небесный не прогневался на детей своих разобравших Его храм ради освобождения нашей Великой и Святой Родины.

В настоящее время кладбище «Баба-рига» продолжает прирастать печальными холмиками и собирает людей на поминовение покоящихся здесь родственников, но лишь немногие, проходя мимо камней фундамента церкви задерживаются в поклоне этому святому месту.

Убийство в Невельском соборе

22-го апреля 1903 года, около 22—00 часов в Невельском Успенском соборе произошло убийство соборного сторожа Игнатия Михайловича Долгова, лишённого жизни ударом ножа. Преступление совершили двое молодых парней мещанского происхождения, которые путём обмана доверчивого старика проникли в собор с целью ограбления.

Stadt Kirche Newel

18. 7. 43

Совершив злодеяние, преступники взломали свечной ящик и похитили выручку последних дней в сумме 16 рублей.

Полиция задержала злодеев на следующий день и те дали, признательные показания, от которых даже в настоящее время леденеет сердце от ужаса содеянного.

Один из убийц и ранее попадавшийся на воровстве, собирался в скором времени жениться. Но у его невесты не было подвенечного платья. Суженая поставила условие перед женихом — купить ей белоснежное одеяние, иначе свадьбы не будет. За неимением денег жених развёл руками. Тогда невеста подсказала ему выход из положения — мол, можно взять займы у Михалыча, так обычно звали в Невеле соборного церковника Игнатия Долгова. Он пользовался большой популярностью в городе и считался за человека «святого».

Действительно, Игнатий Михайлович по жизни был строго воздержным, богобоязненным и всегда в храме отправлял свои обязанности с благоговейной молитвенной настроенностью. В общении с людьми был ласков и добродушен. Он продавал в храме церковные свечи, а кроме того Михалыч торговал при храме, по поручению церковного старосты лампадным маслом, крестиками и др. предметами церковно-религиозного употребления. Получаемое жалованье он раздавал займы и поэтому слыл состоятельным человеком.

Указанный выше жених вместе с невестой и её братом около девяти часов вечера отправились к собору. Игнатий находился в сторожке, вход в которую находился изнутри храма. Когда пришедшие постучали в дверь, Михайлович откликнулся и спросил о причине столь позднего визита. Лиходеи попросили его выдать им подсвечники для покойника. И только тогда, сторож открыл им двери в собор. Но лишь он прошёл внутрь храма, как получил удар ножом в сонную артерию... Игнатий упал без звука, заливая своей кровью соборный пол. Убийцы

зажгли свечу и начали грабить, а невеста была настороже или как сегодня говорят «стояла на шухере».

В это самое время в храм пришла служанка одного из городских чиновников, посланная в собор за лампадным маслом. Она наткнулась в темноте на тело сторожа и полагая, что ему стало плохо, начала дергать его за одежду. Ничего не добившись, она убежала восвояси. От неё и узнали, что с Михалычем случилось что-то неладное. Неожиданная покупательница помешала злодеям закончить святотатство, но они успели скрыться с места преступления задолго до прибытия полиции.

И всё-таки, преступники не медлили и на следующий день пошли по лавкам закупать свадебные наряды... тут-то они и попались в руки правосудия...

Убийство церковника в Невельском соборе показывает дерзость преступников, их поразительную духовную слепоту и кощунство.

Описанное преступление стало большим уроком для местного причта и церковного старосты, с ведома которых в соборе была заведена широкая торговля лампадным маслом, крестиками, иконами и т. д. Нужно ли доказывать, что эта торговля больше всего смущала злую волю и воображение убийц, прежде совершения самого преступления. А факт прихода за лампадным маслом около 22—00 часов показывает, что торговля при Невельском Успенском соборе велась с широким размахом. Позже было проведено серьёзное разбирательство по этому поводу. Церковное руководство хотело знать, кто завёл эту торговлю, почему и какие именно цели преследовались этими нелегальными продажами.

Дело в том, что в те времена в Невеле существовала специальная церковная лавка отделения братства, где можно было купить все необходимые предметы, которые церковный староста продавал при соборе.

Сделанные проверкой выводы были неутешительные, поэтому новый настоятель Невельского собора протоиерей П. И. Петровский наложил вето на соборную торговлю

и запретил старосте ведение дальнейшей коммерческой деятельности при городском соборе.

(По материалам газеты «Полоцкие Епархиальные ведомости», 1903, №-10)

Прозревший

Хоромы отставного чиновника Фёдора Лукина имели всевозможные надворные постройки, среди которых, примыкая к проезжей части улицы, виднелся солидный гараж, утопавший на всю свою длину в кущи плодового сада.

Каждый день, за дверями этого парковочного схрона, коротали заслуженный отдых разночинные друзья владельца помещения, в коалицию которых входили только те местные счастливики, кто сумел преодолеть статистическую планку смертности и получил вождеденный социальный статус пенсионера.

Из уважения к хозяину этих владений, который ранее занимал пост заместителя главы администрации по связям с общественностью, друзья называли гараж «Приёмная», что вполне соответствовало действительности, так как здесь, зачастую, происходили мероприятия, мало чем отличавшиеся от официальных раутов, сопровождаемые обязательным обсуждением политической конъюнктуры рынка, действий правительства, анатомических особенностей наших футболистов и т. д. и т. п.

Как и в любой другой компании сотоварищей, здесь был тот, кто выделялся из общей массы, и не был похож на остальных. Не повезло художнику Александру Ивановичу Снегину, человеку крайне образованному, имеющему академический склад ума и довольно начитанному, которому со дня на день ожидался 75-летний юбилей. Всё дело в том, что он по жизни был человеком не пьющим, от слова совсем. Хотя, если быть предельно честным, то стоит отметить, что он дважды за свою жизнь всё-таки прикладывался к волшебному зелью зелёного змия, но сейчас не об этом. Иваныч занимался живописью более

полувека. Имел различные выставки, награды, воспитал десятки учеников, но звания заслуженного художника России так и не получил. Это очень гложило старика, но он не изменял своему кредо «не употреблять», и продолжал усиленно работать на ниве искусства. Но, тщетно.

И вот, в один из дней, он пришёл в приёмную сам не свой. Редкие волосы на его голове торчали во все стороны. Одет был весьма неопрятно. На бледном, как бумага, лице ощерилась седая щетина, а выпученные глаза безошибочно говорили о том, что художник на грани безумия.

— Что с тобой, Саша? — чуть ли не в один голос спросили друзья, которые не на шутку обеспокоились состоянием товарища.

— Пу... пу... пууутин, — промычал дрожащим голосом художник.

Мужчины настороженно переглянулись. Озвученная в таком контексте фамилия президента России, заставила не на шутку обомлеть присутствующих.

— Что Путин? — шёпотом спросил Лукин. В приёмной повисла гробовая тишина. — Иваныч, не пугай нас. Ты можешь нормально ответить, что стряслось?

Но мастер кисти продолжал мычать и безумно смотреть в глаза товарищей. Первым нашёлся Борис Владимиров, который три десятка лет отработал фельдшером неотложки. Он усадил старика на стул и стал быстро растирать ему уши. Затем хлопнул левой рукой по щеке художника, а правой поднёс к его губам стакан с водкой.

— Пей! — резким голосом скомандовал медик, и насильно стал заливать содержимое в рот Снегину.

Иваныч осушил гранёную посуду за три глотка, после чего растерянно заморгал, пуская обильные слёзы. На его лице появилась маска детской обиды, а в глазах стоял немой вопрос: «Зачем?»

— Надо, Саша, надо! В некоторых случаях это единственное действующее лекарство, а сейчас именно такой случай.

— Давайте включим телевизор, — тихим голосом произнёс Игорь Чеславин, в прошлом он был экономистом местного Райпотребсоюза и слыл человеком трусоватым, по своей натуре. — Вдруг там «Лебединое озеро» по всем каналам.

— Да тьфу на тебя, Игорюшко, — отозвался Василий Козлов, некогда участковый этого микрорайона. — Скажешь, как пукнешь. Сплюнь!

— Иваныч, приди в себя, наконец! — возгласил Лукин. — Не томи нас!

На лице Снегина уже играл лёгкий румянец, а взгляд казался более осмысленным, но всё-таки, ещё не доходил до кондиции нормального человека.

— Боря, накапай ему ещё микстуры. По-моему она на него действует положительно.

— Она на всех действует положительно, если нет клиники в голове, — констатировал фельдшер.

— Мужики, — начал было Снегин, — говорю как на духу, — я довольно долго живу на этом свете и успел застать аж десять правителей нашей страны. И поверьте, ни один из них меня никогда не беспокоил. Кроме — Путина, который почему-то именно сегодня решил явиться ко мне во сне.

Если бы в этот момент, небо упало на землю, старики и глазом не повели. Но услышанное здесь и сейчас повергло их в такой ступор, выход из которого требовал срочного приёма спиртосодержащей жидкости.

— Саша, посмотри на меня, — произнёс Борис. — Он уже приготовился повторить очумелому деду первоначальные манипуляции, но взгляд пенсионера был вполне осмысленный и даже разумный.

Так вот, продолжал старик, снится мне, что мы с вами сидим в этой приёмной, и как всегда, спокойно и размеренно отдыхаем. Но, тут, двери открываются, и к нам входит Путин. От удивления у нас отвисли челюсти, но сказать никто ничего не может. Я пытаюсь встать из-за стола и поприветствовать президента, но ты, Федя, держишь меня за полы пиджака и говоришь: «Не сейчас, Саша, не тот случай». А Путин подходит

ближе, смотрит на нашу закуску и произносит: «Мужчины, вам для полного натюрморта кое-чего здесь не хватает». Потом быстро выходит и также скоро возвращается. В руках держит огромную чашу, наполненную пирожками. Потом ставит её посреди стола и отходит на пару шагов. Немного задумался и произносит: «И всё-таки, чего-то не достаёт. Надо чтобы присутствовала некая изюминка, типа вишенки на торте». Разворачивается и опять уходит. Вернувшись, он ставит на край стола широкий поднос со всевозможными заморскими фруктами. Отходит в сторону и, осмотрев композицию резюмирует: «Ну, вот же, теперь всё как у людей. Отдыхайте товарищи». Я встречаюсь с ним глазами и хочу что-то сказать, а не могу, язык, словно онемел и не хочет поворачиваться. А он так спокойно улыбается мне и произносит: «Всё знаю, вопрос прорабатывается в профильном комитете». Сказал и исчез, как будто испарился, а ведь я его чувствовал рядом, как наяву. Вот так у меня всегда. Как только появляется хоть малюсенький шанс на удачу, всё улетучивается, как будто и не было вовсе.

Закончив своё повествование, художник опять впал в уныние.

Друзья стали всячески подбадривать старика и не осуждали за то, что так близко к сердцу принимал простое сновидение, потому что знали, что все творческие натуры не от мира сего, они видят его несколько иначе чем обычные люди, потому и слывут по жизни чудаками, а то и того хлеще.

К полудню в гараж заглянул почтальон, он знал, где искать старого художника, ведь в маленьком городе, по определению, все обо всех и про всё знают. Почтарь вручил Снегину заказное письмо из администрации региона, в котором сообщалось о присвоении ему почётного звания «Заслуженный художник России» и приглашении на торжественную церемонию чествования в областной центр.

Друзьям пришлось очередной раз за день остолбенеть. В таком возрасте это не проходит бесследно, и может сыграть злую шутку с ослабевшим за долгие годы жизни здоровьем. Однако всё обошлось. «Чернокнижник!» — единственное, что

услышал вослед Снегин, выходя из приёмной, но он не стал обращать внимание на этот выпад зависти, так как не имел привычки обижаться на своих друзей. Ведь кто как не они поддержат его в трудную минуту.

Весть о том, что художнику явился во сне президент и на утро исполнил его давнишнюю мечту, быстрее молнии разлетелась по всей округе. Если для молодого поколения эта новость стала прикольным фейком, то люди преклонного возраста отнеслись к этому вполне серьезно, и с этого дня не могли спокойно разойтись при встрече с прозревшим земляком, ставшим в одночасье местным ясновидящим, на короткой ноге с Путиным.

Часами, размышляя о своём феномене, художник не мог понять причину его проявления. Случалось, что он подходил к буфету, и даже употреблял по 100—150 грамм волшебного зелья, упрекая себя за долгие годы трезвости, но Путин больше не приходил к нему во снах. За то, стали приходиться другие, не менее яркие личности, но это уже совершенно другая, не менее увлекательная история, требующая более детального изучения причин озарения.

20.11.2021г.

Псковский след в Латгалии

В начале XX века в Северо-Западном крае Российской Империи, и в частности Латгалии, царское правительство продолжило проводить более чем вековую политику русификации Прибалтийских земель. Русским крестьянам-переселенцам предоставлялось право приобретать в частную собственность земельные участки. С этой целью Крестьянский Поземельный банк скупал у прибалтийских помещиков имения, а затем, разделив их на части, распродал русским крестьянам. Так, в первые годы двадцатого столетия, на территории Латгалии поселилось довольно большое количество псковских крестьян, купивших с помощью указанного банка земельные угодья Шкильбаны (Бальтиновская волость Люцинского уезда), Александрополь, Боловск (того же уезда) и др. Недалеко от Крейцбурга (Крустпилс) Унгермуйжской волости Двинского уезда, община русских староверов (около 700 человек) в 1907 году купили земли барона Корфа. В общем, к началу первой мировой войны эти земли были достаточно густо заселены русским населением.

Князь-Владимирская церковь, п. Виксна, 1 января 1930 г.

Я не собираюсь проводить детальный анализ целесообразности данной политики царской России на землях Латгале, и уж тем более обсуждать реституцию современной Латвии повлекшую денационализацию земель русских переселенцев, хотя этот вопрос очень интересен и даже щекотлив, если на него обратить внимание через призму права собственности. Нет. Речь пойдёт не об этом, а об истории становления церкви святого равноапостольного князя Владимира, сохранившейся до наших дней в посёлке Виксна Балвского края Латвийской республики.

Порядка 3000 русских крестьян, выходцев Островского уезда, Опочецкого округа и в целом Псковской губернии с 1904 года приступили к осваиванию тысяч гектар Латгальской земли. Более 10 лет, эти люди, выкорчевывали почти необитаемые леса и осушали непроходимые болота, по которым впоследствии были проложены дороги, распаханы поля и построены жилые

посёлки. Непосильным трудом отвоёвывающие жизненное пространство, полуголодные, без удобных жилищ, при отсутствии возделанных полей, в сырости, а в летнюю пору терзаемые надоедливыми комарами, переселенцы не имели духовного утешения, так как Родина со своими храмами осталась далеко от этих новых мест. Единственный православный приход располагался в Боловске, за десятки вёрст от страждущих. Поэтому, Председатель Псковского отделения Поземельного банка Владимир Витольдович Голынский, вышел с ходатайством перед Государственным Крестьянским банком об устройстве в районе Боловской волости двух новых церковей-школ. Ходатайство было удовлетворено, но ещё ранее, состоялось Определение Святейшего Синода, предписывающее возводить приходские церкви отдельно от школ, поэтому отпущенных средств оказалось недостаточно. Вследствие чего, Голынскому пришлось обратиться в Святейший Синод с вопросом о дополнительном финансировании. Синод выделил 5000 рублей, однако и этой суммы оказалось недостаточно. Именно тогда в решение вопроса вмешался сам Государь Император. Из Монарших щедрот Николай II отпустил 3000 рублей, по 1500 рублей на каждую церковь. Этого хватило с лихвой.

Для реализации задуманного Крестьянский банк отвёл в Александрополе: под школу три десятины земли (3,27 Га), а под церковь, для нужд причта 36,81 десятину (40,21 Га). В Викстаменсе (Виксна): под школу 5 десятин (5,46 Га), а под церковь, для нужд причта 42,87 десятин (46,83 Га). Однако, в Викстаменсе (Виксна) церковники не имели достаточного количества причтовых построек и разработанной земли (ни для пахоты, ни для покоса). Поэтому им было предложено самим позаботиться о разработке земли занятой лесом. Тем более что они могли продать несколько его десятин по выгодной цене, так как к лесу уже была подведена железная дорога.

Закладка церкви в Викстаменсе (Виксна) состоялась 30 июня 1912 года, а в Александрополе 21-го июня 1913 года. В 1914 году храмы были построены, однако начавшаяся первая мировая

война внесла коррективы в сроки освящения церквей. 13 сентября 1915 года состоялось освящение Александропольской церкви, а 5-го июня 1916 года состоялось освящение приходской церкви в урочище Викстаменсе (Виксна) 2-го Люцинского округа Полоцкой епархии.

Торжество освящения храма было обставлено более чем помпезно. Накануне, 4-го июня, было совершено всенощное бдение благочинным 2-го Люцинского округа с участием священников: Боловской, Балтиновской, Липновской и Александропольской церквей, а также диакона о. Орсона, специально вызванного из соседней епархии для усиления торжества. На клиросе пел хор любителей пения Псковского отделения Крестьянского Поземельного банка и студентов, поющих в разных церквях г. Пскова. Среди них были лица окончившие курс духовной семинарии, а также, бывшие псаломщики. Пели стройно, мелодично, с большим чувством, при отличных теноровых голосах. Средства на устройство торжества изыскал В. В. Голынский, лично присутствовавший на нём и разрешивший пригласить на освящение видных деятелей Люцинского уезда. В числе прочих, были приглашены: земский начальник барон Мантейфель, член управы Чернецкий и податной инспектор Кутляшев. Последний очень выразительно и много читал за богослужениями на клиросе, после чего ему было разрешено сказать речь, в назидание собравшемуся на освящение храма народу. Потому как, он имел высшее образование, чуткое глубоко-религиозное сердце и старался внушить слушателям, что истинное счастье человека не в богатстве или науке, а только в православной вере.

В конце всенощного бдения благочинным было сказано слово о значении бдения, как отображения истории ветхого завета, в деле строительства спасения рода человеческого, закончившегося пришествием в мир Спасителя, просветившего светом Своего учения мир как лично, так и через своих преемников апостолов, среди которых великую задачу в деле просвещения земли Русской исполнил святой равноапостольный князь Владимир.

На следующий день, 5-го июня в 8—30 утра, было совершено водосвятие и последующее освящение храма в честь святого равноапостольного князя Владимира, с принятием святого антимины, освященного Преосвященным Саввой Епископом Полоцким и Витебским. Хуторяне Викстаменского прихода украсили церковь венками и несколькими триумфальными арками, сооружённые под руководством инженера Крестьянского банка Ивлева, перед входом в храм.

Литургия началась в 10 часов с участием собравшегося духовенства. На которой прихожан поздравил о. Андрей Мазур, изложивший историю святого равноапостольного князя Владимира в деле просвещения Руси и объяснивший значение храма как места особого присутствия Божия в таинствах, молитвах, священнодействиях, места общения церкви небесной и земной, как училища благочестия и благотворения. В конце литургии был совершен молебен святому князю с присоединением молитв и прошений за русских воинов и крестный ход, с чтением 4-х евангелий по 4-м сторонам храма, с осенением народа святым крестом и окроплением, а также, провозглашением многолетия Царствующему Дому, Святейшему Синоду, Преосвященнейшему Кириону Епископу Полоцкому и Витебскому, победоносному русскому воинству, храмоздателям и прихожанам Викстаменской церкви. После молебствия Председатель Псковского отделения Крестьянского банка обнародовал телеграмму на имя Витебского губернатора с выражением верноподданнических чувств Государю Императору.

В завершение торжества, на площади перед храмом, собравшиеся пропели гимн «Боже Царя храни» и прокричали «Ура!». Затем, в помещении церковноприходской школы, построенной на средства того же банка (в размере 8000 рублей) на 100 учащихся, с наличием общежития, был дан обед для всех собравшихся. За трапезой вспомнили причастных к делу устройства новой церкви, начиная с Государя Императора и до певчих, усладивших участников торжества своим прекрасным пением. Более того, гости имели удовольствие

слушать оркестр скрипачей, собранный по такому случаю из пленных австрийцев.

Князь-Владимирская церковь, п. Вискна, 28 июля 2016 г.

Расцвет Вискненской церкви пришелся на 20-е годы прошлого века, когда в храм был назначен священником о. Никифор Смородов. С тех пор утекло много воды, сменялись настоятели, трижды церковь подвергалась ограблению, было утеряно много икон, церковных реликвий и утвари. К началу Великой Отечественной войны от тысячного прихода в Вискне оставалось около 120 прихожан. В настоящее время их чуть более десяти человек. В 2016 году в день памяти святого равноапостольного князя Владимира храм отметил свой вековой юбилей и несмотря на скромное количество молящихся в нём потомков псковских переселенцев жив и действует до сих пор.

03.12.2021г.